

Элина Сабитова
*Екатерина I: от прачки
до самодержицы*

Элина Сабитова

**Екатерина I: от прачки
до самодержицы**

«Издательские решения»

Сабитова Э.

Екатерина I: от прачки до самодержицы / Э. Сабитова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747170-5

Роман о первой иностранке на российском троне. Она появилась в жизни Петра I случайно и почти сразу стала для него самым близким человеком. Ее заслуги перед Отечеством поистине велики, а биография полна загадок и тайн. Произведение написано с опорой на исторические источники и письма главных героев. Сюжет романа крутится вокруг взаимоотношений императора, императрицы и их лучшего друга — Александра Меншикова. Смогут ли герои сохранить свои чувства и создать достойную империю?

ISBN 978-5-44-747170-5

© Сабитова Э.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
I	7
II	12
III	21
IV	27
V	31
VI	35
VII	37
VIII	43
IX	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Екатерина I: от прачки до самодержицы

Элина Сабитова

© Элина Сабитова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Январь 1725 года

Во дворце было очень шумно. Все суеились и бегали возле спальни государя.

Он скоро умрёт. Это было ясно всем.

Простившись с ним в числе первых, я отправился в свой рабочий кабинет. Из потайного места я достал заветную бумагу. Это было завещание от имени царя. Я составил его несколько лет назад. Пришло время им воспользоваться. Я знал, что сам государь не успел распорядиться о наследнике, поэтому моя бумага придётся весьма кстати на смертном одре.

Ещё до того как к нему впустили жену, я подсунул ему под руку бумагу. Оставалось лишь подписать её.

Он даже не стал интересоваться тем, чьё имя содержит завещание. Он доверял мне всегда, и сейчас легко подписал документ.

В соседнем кабинете сенаторы уже спорили о том, кому перейдёт трон, даже не дождавшись кончины государя.

– Не рано ли вы царя похоронили, господа? – обратился я.

– Отечество ждать не может! Наследник не был объявлен. Как бы смута не началась, – ответил граф Толстой¹.

– Не будет смуты, – спокойно сказал я. – Есть завещание.

Обсуждения вмиг прекратились. Всё внимание устремилось на меня. Сенаторы ждали подтверждения. Тут я раскрыл перед ними свёрток, на нижнем углу которого величалась подпись царя и печать.

По комнате прошлось негодование. Мужчины переглянулись, а после единогласно признали подлинность бумаги.

Они готовы присягнуть новому монарху!

И я готов!

Я ждал этого слишком долго...

¹ Государственный деятель, дипломат.

I

Александр Меншиков

Август 1702 года

После долгой разлуки с самым близким человеком мне, наконец, посчастливилось с ним увидеться. Речь идет о Петре Алексеевиче Романове, молодом российском царе, а по совместительству моем лучшим друге.

Я прибыл с поля военных действий сегодня утром и первым делом решил повидаться с ним. Пётр сейчас находится в весьма неприятном положении. Чувствую, я нужен ему здесь, однако, в силу сложившихся обстоятельств, не могу постоянно находиться в Москве. Две недели назад наша армия удачно провела кампанию у крепости Ниеншанц², так что мне теперь полагается небольшой отпуск. Это всего на пару дней, но, пожалуй, этого хватит, чтобы хоть как-то развеять настроение друга. С Петром мы неразлучны с четырнадцати лет, с тех пор, как я поступил к нему денщиком на службу. Вместе мы создавали потешные войска в Преображенском³, вместе принимали все политические решения. Когда вырос, я сделался сержантом, позже поручиком бомбардирской роты, затем выучился на корабельного подмастерья.

Как мы здорово проводили время во время Азовских походов, как прошли всю Западную Европу рука об руку! Начав северную войну против Карла XII⁴, Пётр назначил меня командующим пехотой и кавалерией. Поэтому последние два года мы с ним практически не виделись. Нас разбросало по разным территориям сражений. Хотя уже скоро состоится наша общая морская битва, что не может не радовать.

Когда я показался в его рабочем кабинете, Пётр по обыкновению сидел за рабочим столом, погружённый в свои мысли и потягивал трубку. Вся комната была окутана густым дымом ароматного мятного табака. Я даже не сразу смог разглядеть друга в толще смога. Кажется, один только государь в этом дворце абсолютно равнодушен ко всему происходящему, только его комната находится в каком-то странном умиротворённом состоянии. Снаружи весь дворецкий люд не на шутку суетился. Жизнь там шла полным ходом. Повара готовили, постельничьи прибирались в покоях здешних обитателей, прочая прислуга делала своё дело, а личный секретарь государя был с утра на нервах из-за большого объёма посланий, которые командующие слали Петру Алексеевичу из разных боевых точек.

Причина полного бесстрастия Петра кроется в череде бесконечных огорчений на протяжении вот уже нескольких лет. Сначала сестра по отцовской крови София Алексеевна⁵ попыталась совершить братоубийство и устроила бунт. С этим он, конечно, ещё мог смириться, Пётр с детства был готов к тому, что эта любительница контролировать всех и вся решит взять власть над страной в свои руки. Позже выяснилось, что супруга государя, Евдокия, предала его, решившись на сговор с Софьей с целью посадить на трон своего сына. Евдокию Пётр приговорил к монашескому постригу. Дело вёл сам царь, как это и было принято в монарших семьях, когда членов своей династии за преступления судил не кто иной, как сам монарх. Петра предательство жены, хоть и не любимой, повергло в глубочайшее уныние. Всё же супругов очень многое связывало. Их венчание состоялось в 1689 году в церкви Преображенского дворца Москвы, царю тогда было всего шестнадцать лет, невеста была на четыре года старше своего жениха. Брак был заключен не по любви. О том, что он фиктивный не знал разве что самый

² Крепость на территории нынешнего Санкт-Петербурга.

³ Село недалеко от Москвы, резиденция российских царей.

⁴ Король Швеции с 1697 года.

⁵ Царевна в 1682—1689гг.

низший член московского общества. Так было необходимо царице Наталье Кирилловне⁶. Она не могла допустить, чтобы трон занял женатый и ожидающий появления на свет сына Иван Алексеевич, сводный брат Петра. К счастью светлый ум и прозорливость царицы Натальи не дали Ивану стать государем российского государства. Пётр должен был бы казнить жену после такого предательства, но рука его не поднялась поставить подпись под этим приговором и, он заменил казнь на насильственный постриг. Он так же позаботился о её удобстве в монастыре, к приходу бывшей царицы в Суздальско-Покровском монастыре были готовы приличные покои, схожие с её хоромами во дворце. Евдокия с тех пор изо дня в день возносит молитвы о здоровье и долголетие мужа. Никто из тех, кто знал ее преданный и кроткий характер, не мог ожидать, что она воспользуется слабостью мужа и перейдёт на вражескую сторону. Всех остальных врагов Пётр казнил, Софью так же как и жену заставил уйти в монастырь и ежедневно лицезреть за окном подвешенные на верёвке тела её сподвижников.

– Что ж, ты, Пётр Алексеевич, себя не щадишь. Как ни гляну на тебя, ты всё ходишь с потухшим взглядом. Неужто ничего тебе больше не интересно? Куда делась та страсть, которая двигала тобой в твоих безумных поступках? – начал я после недолгих приветственных объятий.

– Не знаю, что тебе отвечать, Данилыч. Нет у меня никакого желания что-то делать, понимаешь. Ничто не радует.

– Пойдём ка мы с тобой сегодня вечером покуражим⁷ как в старые добрые времена. Давно мы в Немецкой слободе не были. Пива попьем, с немками развле...

– Да не хочу я ничего. Хоть ты меня не трогай, – прервал меня государь.

– Эх, не узнаю я тебя, Пётр Алексеич. Отвлёкся бы чем-нибудь. Как твоя девица из Кукуя⁸ поживает? Не надоела ещё?

– С Анной⁹ я давно не виделся, уж соскучился совсем. Колесит где-то. Оставила меня тут одного, сама уехала.

– Ну что ж, хоть кому-то хорошо в тяжёлое время, – решил подбодрить я.

Царь немного повеселел после нашего разговора. Очень уж любит он путешествия. И зная это, я специально старался заговорить о дальних странах.

– Вот закончится война, и мы с тобой снова отправимся куда-нибудь. На этот раз предлагаю взять курс на восток, – не унимался я.

– Какой же ты простой, Алексашка, – смеялся Пётр. – За это тебя и люблю. Ты – мечтатель.

– Как и ты, Пётр Алексеич. Раньше ведь вместе мечтали, отчего-то ты сейчас перестал.

– Сейчас всё поменялось. Мы уже не те беззаботные мальчишки.

– Не знаю, как ты, государь, а я себя ещё мальчишкой ощущаю. И ты себя раньше времени стариком не заделывай.

– Я рад, что ты приехал. Никто ещё не научился мою хворь получше тебя лечить, – голос государя стал мягче.

Наш диалог прервал громкий стук в дверь.

– Кто там? – спросил Пётр.

– Милостивый государь, вам послание, – заявил дворцовый секретарь.

– От кого?

– Не указано, государь.

⁶ Царица, вторая жена царя Алексея Михайловича.

⁷ (здесь) развлекаться.

⁸ Простонародное название Немецкой слободы.

⁹ Фаворитка Петра I с 1691г.

– Ну что ж, давай, прочтём, – сказал Пётр Алексеевич, лениво потягиваясь за свёртком бумаги, и добавил. – Можешь идти.

Послание было бегло написано неизвестной рукой, однако его содержание заставило царя перемениться в настроении.

«Вашему Высокопревосходительству, государю всея Руси, Петру Алексеевичу Романову, Сообщаю из Шлиссельбурга¹⁰, что в самый разгар пирований по поводу спуска на воду новой яхты, опьяневший до безумия саксонский наш друг, посланник Кенигсек, случайным образом оказался на Неве¹¹ и утонул. Помочь ему не смогли. При извлечении его из воды были найдены письма от Анны Ивановны Монс, содержащие весьма пикантные подробности её и Кенигсека любовных утех, и вышеназванной дамы медальон с портретом. Письма от 1698 года.

Я, Ваш преданный слуга, посчитал необходимым дать Вам, всемилостивейший наш государь, знать об этом неприятном инциденте.

13 Июля 1702 года».

Пётр в ярости трижды стукнул по столу кулаком так, что от мраморной поверхности откололся кусок материала и, оказавшись под ногами государя, тут же превратился в крошку. Лицо Петра Алексеевича приобрело винный цвет, глаза наполнились тяжёлыми слезами, зубы закрипели от злости. Через секунду царя начало трясти. Горячий пот катился по сморщенному лбу. Перепуганный слуга, стоящий у дверей государя, увидев его пугающее состояние, тут же стал звать на помощь. Прибежавшие на крик обитатели дворца поначалу не решались подойти к царю, чьё лицо непроизвольно билось в конвульсии. Подобные состояния у Петра время от времени случались и вызывали у всех придворных нешуточную панику, потому что никто не имел понятия, как с ним справляться. Болезнь преследовала Петра ещё с детства, впервые с ним произошли эти припадки во время стрелецкого бунта, когда совсем ещё маленький царевич испытал сильнейшее потрясение. Такие припадки случались нередко, поэтому царя старались не беспокоить и не злить без серьёзного повода.

Государь пришёл в себя только через два часа. После этого лекарь дал ему успокоительные травы, и Пётр с трудом смог погрузиться в царство Морфея¹².

Анонимное послание, признаться честно, меня порадовало. Я всегда испытывал отвращение к пассивности царя.

Анну Монс, несомненно, можно назвать первой красавицей на Руси. Прекрасно сложена, молода, энергична – в ней идеально сочетаются те черты, которые привлекают мужчин в женщинах. Но внутри этой дамы помимо прекрасного есть ещё и много ядовитого. Жаль, государь, ослеплённый ложной любовью, не замечает плохого в своей любовнице. С ней Пётр вместе уже много лет. Я частенько намекал царю избавиться себя от этой непрочной связи, но он меня не слушал. Теперь-то он точно не станет иметь с ней никаких дел. Одно плохо – его меланхолия ещё более усилится теперь, когда его предала «любовь всей его жизни», как он сам ее называет.

Я изначально знал, что Анна не любит Петра, ее заботило только его монаршее происхождение и деньги, которыми он её обеспечивал. Их отношения начались, когда мы с Петром стали появляться в Немецкой слободе лет десять назад. Пётр влюбился в красавицу с первого взгляда. Мне нередко приходилось слышать от жителей слободы о безнравственных поступках этой особы.

Любовь – самое обманчивое чувство, не понятно, счастлив ты вследствие нее или без нее был бы счастливее вдвойне. Поэтому я никогда не влюбляюсь.

¹⁰ Местность в районе Санкт-Петербурга.

¹¹ Река, протекающая по территории Санкт-Петербурга.

¹² Бог сновидений в греческой мифологии.

Женщины коварны, они с легкостью берут власть над мужчиной, стоит им только понять, что он потерял голову от любви к ней.

Я подчиняюсь только себе.

Ни одна женщина никогда не станет управлять мной.

Я этого не допущу.

Пока государь спал, я перебирал в голове всех знакомых дам, которые могли бы составить с ним хорошую пару. Нужна молоденькая, не испорченная, нежная, не заинтересованная в политике, чтоб не желала лезть в государственные дела. Да, задача не из легких. Среди моих знакомых едва ли найдётся хотя бы одна представительница женского пола, обладающая таким набором характеристик.

Утром меня разбудил государь. Кинув взгляд на часы, я увидел, что маленькая стрелка подходила к шести. Спальню искусственно освещал сам царь, держа в руке массивный подсвечник с пятью ярко-горящими свечами. Мои глаза сильно морщились с непривычки, глядя на блеск огня.

– А ну вставай, Сашка! – грозно сказал Пётр.

Я от испугу вскочил и стал стремительно натягивать на себя штаны. «Неужели боевая тревога. Шведы не могли так быстро подойти к Москве», – думал я.

Тут государь громко захохотал.

– Да не бойся ты, одевайся, не спеша.

– Что случилось, Ваше Сиятельство? – поинтересовался я.

– Хочу показать одно место. Тебе понравится, – спокойным тоном говорил царь.

Это было даже странно. Я ожидал, что ближайшее время он будет пребывать в плохом настроении, никого не захочет видеть. А тут даже улыбается.

Может забыл про донесение?

Что ж, тем лучше.

Не буду ему напоминать. Не хватало ещё под его горячую руку попадать. Тогда точно не поздоровится. Государь, он хоть и доброй души человек, но, если разозлить, то мало не покажется.

Забыл, так забыл. Видать травы так действуют.

Позавтракав мы куда-то отправились. У выхода из дворца нас поджидали два запряжённых коня. Государь немедленно взобрался на своего рыжего любимца, я последовал за ним, мой конь был чёрный, но такой же красавец. Мы лихо поскакали в неизвестном направлении.

Через полчаса оказались на набережной напротив величественной галеры. Три огромных паруса раздувал ветер, самой высокой точкой корабля был российский флаг. Я не мог не восхититься столь великолепным сооружением.

Особенно эффектно галера выглядела на фоне восхода солнца за горизонтом.

– Ну что, нравится? – весело поинтересовался государь. – По глазам вижу, что нравится. Заблестели.

– Нравится, очень нравится, – восторгался я.

– Ну, давай, проходи, сейчас поплывем, – сказал царь и поднялся на палубу.

– Это наша галера? Не уж – то сами построили?

– Наша, родненькая. Скоро таких ещё несколько штук построим. Эта первая.

– Ого, Пётр Алексеич. Возрождаешь Россию. Правильно. Пора поднимать. Скоро будем не хуже Европы.

– Дай Бог, Данилыч, дай Бог. Флот я уже начал создавать. Но это ещё не всё. Местечко я тут хорошее приглядел. В общем, начинаем строительство города. Будет у нас новая столица.

– Столица? Чем тебя Москва не устраивает?

– Понимаешь, глядя на Москву иностранцы никогда не увидят Европу. Слишком она... какая-то... не знаю... славянская что ли. Вот поэтому мне и пришла идея построить новый город. Такому не будет равных больше нигде, вот увидишь. Будет он стоять на реке, прямо как Голландия. Помнишь, как мы передвигались на гондолах по ее каналам?

– Такое не забудешь. Эх, дивное было время. А город-то когда покажешь?

– В скором времени. Там уже работы идут. Вот крепость заложим и станем туда часто ездить, пока совсем не переедем. А пока там болото одно.

– Пётр Алексеич, ты меня, конечно, извини, но нельзя же вот так просто строить город на болотистой местности, – я был в смятении.

В последнее время всё чаще не понимаю своего друга.

– Меншиков, я то думал, ты меня поддержишь. Мы с тобой когда-нибудь совершали хоть что-то разумное? Нет. А мы с тобой хоть раз ошибались? Снова нет. И в этот раз всё будет хорошо. И не спорь со мной больше. Либо радуйся вместе со мной, либо помалкивай.

– Сам знаешь, государь. Не смею тебе перечить. Как всегда помогу, чем смогу. В общем – то идея неплохая, только вот времени много потребуется. И средств.

– Средства найдём – налоги повышать будем. А время... времени у нас полно.

II Марта Скавронская

Август 1702 года

Сегодня моя свадьба.

Не могу поверить.

Всё так быстро случилось. Я не была к этому готова.

Мы с женихом даже толком не знакомы. Да, что там толком не знакомы, мы с ним вообще не знакомы. Виделись всего три раза, да и то, потому что живём по соседству.

Вообразить только, отныне мне придётся жить в чужом доме, у абсолютно не знакомых мне людей. Хотя, полагаю, моя жизнь в другом доме не сильно изменится от той жизни, что у меня была до сих пор. Но всё же, мне не по себе.

Скорее всего, мы с мужем будем жить в каком-нибудь затхлом маленьком домике вместе с его родителями, через год-полтора у нас появится ребёнок, потом второй, потом, может быть, третий. Роды заберут мою красоту, кожа покроется морщинками, грудь обвиснет, появятся складки возле губ и всё. Так и закончу свою скучную жизнь. Ох, не так я себе представляла свою жизнь, ох не так. Но выбора нет. Худшая участь для девушки – родиться в крестьянской семье. Мой случай ещё печальнее – я крестьянская сирота. Чума, пришедшая в Мариенбург¹³, когда мне было всего несколько месяцев от роду, унесла с собой обоих родителей. У меня ничего от них не осталось. Все вещи умерших от чёрной смерти сжигали. Мой дядя должен был забрать меня в свой дом, но ему была не нужна обуза в виде младенца, и тогда он отдал меня на попечение лютеранскому пастору Эрнсу Глюку. Я живу в доме пастора столько, сколько себя помню. Стать для меня отцом пастор никогда не пытался, он не подпускал к себе близко сирот. Мы тоже не пытались с ним сблизиться.

Глюк часто поднимал на меня руку в детстве за непослушание: я была безобразным ребёнком.

В целом, как человек Глюк хорош и очень умен. Помимо родного латышского языка, он говорит ещё на русском. Это пошло на пользу и мне. Воспитываясь в доме, где смешаны два языка, я научилась говорить на обоих. Правда, писать Глюк сирот не учил. Он обучал грамоте только детей обеспеченных господ, которые имели возможность платить ему за услугу.

Жена пастора подкидышей совсем не любила. Мы пригождались ей только в качестве прислуги. Своих детей она не заставляла трудиться, а нам приходилось работать по дому сполна.

Сирот в этом доме всегда было много. Каждый год к пастору приводили очередных, оставшихся без родителей, детей. Среди них были и очень маленькие, такие, как я, когда впервые здесь оказалась, и взрослые юноши и девушки.

Я не могу считать Глюков чужими людьми, волей-неволей я к ним привыкла, прожив в их доме семнадцать лет. Здесь меня многому научили. Сомневаюсь, что мои родители смогли бы дать мне столько же, они были крайне бедны. Не могу сказать, что скучаю по ним, ведь я их даже не знала. Так странно не любить никого. Но мне не к кому испытывать подобное чувство, не знаю даже, смогу ли когда-нибудь ощутить его. Говорят, любовь окрыляет, придает жизни смысл. Я слышала это от девушек-сирот, которых уже выдали замуж. Возможно, и я смогу полюбить своего жениха.

Я виделась со своим женихом всего три раза. Его зовут Иоганн Крузе. Он швед, но уже давно перебрался в Мариенбург.

¹³ Город на северо-востоке Латвии.

Свадебное гуляние скоро начнётся. На мне тонкое белое платье, верх из нежного хлопка, а низ из грубого льна. Оно не мое. Мне его одолжила жена пастора. Она сама в нем выходила замуж когда-то очень давно. До меня его надевали ещё две девушки, жившие с нами. Оно достаточно простое, лишь на линии груди есть тонкая атласная лента.

Меня всё не покидает ощущение, что совершаю большую ошибку, выходя замуж. Мое сердце как будто кричит мне: «Остановись, ты будешь несчастна с этим человеком!», но что я могу? Разве кого-то в доме интересует мое мнение. И дело тут даже не в том, что я не могу отказаться от брака, а в том, что, отказавшись, я не смогу без зазрения совести смотреть в глаза пастора, которому я изрядно надоела, к тому же он приложил немало сил на то, чтобы найти мне мужа. Я самая старшая из его воспитанниц. Все остальные сами легко находили себе женихов, едва им исполнялось четырнадцать, и тут же бежали под венец. Мне же пошел восемнадцатый год, а своим суженым даже представить некого. Пастор Глюк, конечно, выказывал недовольство этим обстоятельством, однако, ничего не предпринимал. Скорее всего, я так и прожила бы в его доме всю жизнь, будучи не сватанной, если бы несколько дней назад мой жених Иоганн не обратился к нему с просьбой отдать ему в жены одну из воспитанниц. Пастор, разумеется, тут же посоветовал мою кандидатуру, тем самым убив сразу трех зайцев: избавился от меня, нашел мне мужа и выполнил просьбу Иоганна.

Вчера весь день мы готовили угощения для гостей. Их будет не много: всего несколько соседей и родственники Иоганна. Стол получился небольшой. По такому случаю пастор умертвил целого поросёнка, и теперь подрумяненная тушка животного гордо лежала в самом центре праздничного стола с запеченным яблоком во рту.

Мои размышления о своей несчастной судьбе прервал стук в дверь. Это был Глюк.

– Марта, всё уже готово, твой жених ждёт тебя, – сказал он.

В ответ я лишь выдавила из себя искусственную улыбку. Пастор подошёл ко мне и поправил прядь волос, выступившую из-под фаты.

– Дорогая, ты же сама понимаешь, что другого шанса может и не быть. Ты не так молода, чтобы выбирать. Будь ты на пару лет младше, я бы, конечно, дал тебе возможность решить самой.

– Знаю. Я ведь не жалею, – выдавила я.

– Не сердись на меня, девочка. Я тебе добра желаю. Иоганн хороший человек. Я его давно знаю. Он часто посещает нашу кирху¹⁴. Это говорит о многом. Религиозный человек не может быть плохим. Сам господь защищает его от злого умысла.

– Я доверяю вашему выбору. Если Вы считаете его достойным мужем, я повинуюсь.

– Вот и правильно. Сейчас не время для капризов. Такое сложное время. Русские наступают. Не знаешь даже, что будет завтра. Будущее нашего города под сомнением. Поэтому тебе нужна защита. Ты же видишь, вас слишком много. Я не в состоянии защитить всех от врагов. Теперь твой муж возьмет на себя обязанность нести за тебя ответственность.

– Спасибо, пастор. Вы добры ко мне. Я этого не забуду.

– А теперь ступай с Богом навстречу своей судьбе.

Он взял меня за руку и повёл вниз по лестнице к гостям. Глюк чувствовал, что моя рука дрожит от страха, но старался не придавать этому значения. Он только крепче сжал мои пальцы.

Внизу действительно скопилось много народу. Были и соседи, и сироты, жившие с нами когда-то в этом доме, но уже со своими мужьями и жёнами, и были совсем не знакомые люди, по всей видимости, родственники со стороны жениха. Иоганн тоже был среди гостей, правда,

¹⁴ Лютеранское обрядовое сооружение.

он совершенно не походил на виновника торжества. На нём была простая и очень потрепанная одежда. В руках мой жених держал охапку цветов.

Как только мы с пастором появились у всех на виду, гости зааплодировали, что сильно смутило меня. Я совсем не люблю быть в центре внимания. К счастью, моё лицо было тщательно укрыто толстой тканью фаты. Пастор вручил мою руку Иоганну, а сам пошёл к гостям. Мы с женихом оказались посередине комнаты, а вокруг нас пели и плясали гости. Не сказать, что у нас с Иоганном было праздничное настроение. Мы оба были очень взволнованы, оба бледны как мраморные и оба не издавали ни звука на протяжении почти всего вечера.

Торжество прошло на славу. Гуляния продолжались до самого утра. Как и положено на свадьбах, гости много ели, пили и танцевали. Иоганн представил меня своему отцу, а вот матери, как оказалось, у него не было. На свадьбе мы с ним обменялись всего несколькими дежурными фразами. В основном, он восторгался тем, как пастор организовал праздник и моей красотой, хотя в его словах не было ни капли искренности. По глазам было видно, что всё, что он делает, тяготит его, и он ждёт-не дожждётся окончания пиршества.

В новом доме я оказалась только на рассвете. Мой свёкор тут же отправился спать, а Иоганн повёл меня в теперь уже нашу с ним спальню. Всю дорогу от дома Глюка до моего теперешнего жилища я дрожала и не могла успокоиться. Мне предстоит провести ночь, а точнее уже утро, с абсолютно чужим мне мужчиной. Я совсем не опытна в этом деле и меня пугало предстоящее испытание. В общем-то, я совершенно не готова к брачной ночи. Там, где я выросла, некому было поведать мне о том, что нужно делать и как себя вести в те неловкие моменты, когда остаёшься с мужем наедине. Супруг открыл передо мной дверь в комнату и предложил сесть на кровать, сам же он стал стремительно снимать с себя одежду, чем крайне смутил меня. Поразительно, как он хладнокровен. Похоже, у меня одной коленки трясутся от страха перед неизвестным. Скинув с плеч рубашку, он принялся стягивать с себя штаны, и вот передо мной уже стоит обнажённый мужчина.

Боже! Как же страшно! Сердце уходит в пятки.

Я повернула голову в сторону, чтобы он не видел моего стеснения. Иоганн потянул меня к себе, заставляя подняться на ноги. Грубыми движениями рук он развернул меня спиной и стал буквально рвать верёвочки от корсета. В этот момент моё тело билось в холодном поту. Дальше он небрежно сорвал с меня подвенечное платье.

Следующее я помню смутно, мне даже не хотелось этого запоминать. Иоганн был со мной груб и совсем не проявлял нежности. Я была так разочарована этой ночью. Да, не так я себе представляла свою первую брачную ночь. Девушки рассказывали, что это волшебное чувство оказаться в объятиях мужа, впрочем, все они были влюблены в своих мужей, а я нисколько не очарована своим, напротив он мне омерзителен.

Уснуть после этого кошмара не удавалось. Лежать в чужой постели оказалось очень неудобно, особенно, когда рядом лежал человек, который ночью стал причиной моего плача от боли. Я то и дело ворочалась из стороны в сторону в безуспешных попытках найти удобную позу, но так и не нашла.

Иоганн ещё спал. Я решила подняться с постели, лежать дальше не было никакого смысла. Сначала я бродила по дому и изучала его. Казалось необычным, что здесь умиротворённо, я привыкла, что в доме пастора всегда очень много шума от большого количества его обитателей. Я всматривалась в окна и видела совсем иное, чем в своём старом доме. От этого мне делалось ещё тоскливее.

Дом Иоганна был, в общем, не плох, не такой большой, как у Глюка, но вполне вместительный, учитывая, что мы будем жить здесь вдвоем. Хотя в нем совсем не уютно, темно и холодно, на просыревшей мебели беспорядочно валялись какие-то вещи, а её полки покрылись многолетней пылью.

Здесь необходимо убраться. Я не могу жить в столь неприятных условиях.

Приготовив завтрак, я вышла на улицу. Мне просто необходимо освежиться. Запах в доме стоял отвратительный, воздух пропитан «ароматами» тел двух мужчин, которые, судя по всему, не особо любят мыться.

Выйдя во двор, я не обнаружила ни одного знакомого человека.

Мне хотелось побыть одной, и я побрела в сторону леса. Глюк всегда запрещал мне уходить далеко в чащу леса. Я слушалась. Собственно, раньше мне не приходила в голову мысль туда идти, я боялась. Но сейчас я даже буду рада, если затеряюсь где-нибудь и не найду дорогу назад, или если меня сгрызут дикие звери, или разбойники убьют. Во всяком случае, перспектива закончить жизнь вот так кажется мне намного привлекательнее, чем волочить существование в компании ненавистного мужа и его пьющего отца.

Меня хватило на два часа. Я честно не старалась запомнить путь, но страх смерти всё же оказался сильнее, и моё сознание само собой потащило меня обратно.

Трусиха! Жалкая трусиха!

Съесть ядовитый гриб тоже не хватило силы воли.

И звери, как на зло, попрятались.

Делать нечего – пойду домой.

Вернувшись, я увидела озлобленного мужа. Он встретил меня ледяным взглядом и произнес:

– Где ты была?

– Мне не спалось, я решила прогуляться.

– Не уходи больше без моего разрешения. Не должна замужняя баба шляться по улице. Что про меня соседи скажут? Что жена после первой же брачной ночи рога мне пошла ставить?

– Не волнуйся, я никому не попадалась на глаза. Пастор позволял мне гулять, когда ..., – не успела я соврать, как Иоганн крикнул на меня:

– Пастора здесь нет! У него ты жила девкой, теперь ты жена и твоя обязанность подчиняться мужу. Тут другие порядки.

– Я поняла, – тихо произнесла я дрожащим от страха голосом.

– Да, чувствую, тебя придется перевоспитывать. Не думал я, что будут проблемы. Глюк обещал мне, что ты будешь хорошей женой, пока что я этого не вижу.

Он ушел работать и появился только ночью, когда я уже спала.

Мои дни в новом доме, казалось, длились целую вечность. Мало-помалу я начинала привыкать ко всему ранее чуждому.

Через три дня после свадьбы, когда мы втроем обедали, Иоганн сообщил о том, что на Мариенбург напали русские и всё здоровое мужское население обязано пойти на войну. Не сказать, что я обрадовалась такому положению вещей, но всё же еле смогла сдерживать улыбку. В конце концов, для меня уход мужа на войну ещё не означает обретения свободы, я останусь теперь с его циничным больным отцом, который не особо жалуется на меня. Он то и дело норовил сделать мне замечание по любому поводу. Человек очень неприятный. Его недолюбливал и сам Иоганн, что неудивительно, потому что, когда он объявил нам о том, что уходит на войну и не известно, выживет ли он там, его отец даже не приподнял бровей, продолжаяковыряться ложкой в тарелке, пытаясь выскрести прилипшие к бокам посуды остатки еды.

– Когда ты отправляешься? – поинтересовалась я как можно более отчаянным тоном.

– Завтра на рассвете. Сегодня я лягу рано, а ты спать не будешь, приготовишь мне побольше еды с собой и выстираешь одежды с запасом, – ответил Иоганн как обычно сердито.

Так и случилось. Почти сразу же после приема пищи мой муж отправился в спальню, а я принялась за готовку и стирку. Всю ночь, не смыкая глаз, я старательно готовила Иоганна к суровым условиям войны. Встав утром, он искупался, оделся, поел и без особых прощальных речей ушел на общее место сбора солдат.

Вопреки моим ожиданиям, жизнь без мужа стала для меня большим адом, чем с ним. Свёкор потерял всяческий контроль над своим поведением в отношении меня. После ухода сына на войну, он ежедневно стал употреблять спиртные напитки. Целыми днями я находилась в доме одна. Он уходил бог знает куда ещё до моего пробуждения и возвращался глубокой ночью. А однажды и вовсе случилось ужасное.

Как обычно я уже лежала в кровати, когда отец моего мужа вернулся домой и начал громить всю посуду и мебель на кухне. Через две минуты я уже стояла перед ним, оценивая, сколько часов мне придётся убираться здесь и сколько полок придётся снова прибивать к стене. Пока я пыталась спасти компот, не успевший ещё полностью вылиться из банки, пьяница выкрикивал бранные слова в мой адрес, размахивая руками. Я совсем не была готова к тому, что его кулак прилетит мне по губе. От сильного удара я вмиг оказалась на деревянном полу рядом с осколками разбитых банок. Я не сразу почувствовала боль на месте удара, только позже, дотронувшись до губ, обнаружила следы запёкшейся крови. На этом дебош не закончился. Старик подхватил меня за волосы и стал волочить в разные стороны. Сам он едва держался на ногах, поэтому не смог устоять и вскоре оказался рядом со мной на полу. Мне удалось быстро подняться и схватить со стола первый попавшийся на руки предмет. Им оказался нож. Отец Иоганна не на шутку перепугался и перестал что-либо делать. Воспользовавшись такой возможностью, я метнулась к двери и побежала в дом пастора. Я слышала, как за мной некоторое время пытался бежать свёкор, но, в силу своего пожилого возраста и состояния, он не смог меня догнать, но ещё несколько раз крикнул мне в след:

– Тварь! Тварь! Тварь!

В доме пастора не горел свет, все уже спали, и мне пришлось долго биться ладонями об дверь. Когда пастор наконец-то открыл, я свалилась от бессилия прямо ему на руки. Он был в ужасе, стал звать на помощь свою жену.

– Господи, кто сотворил с тобой такое, дитя моё? – сокрушался он, хватаясь за голову.

Я не могла вымолвить ни слова. Чувствовалась какая-то слабость, я постепенно стала терять сознание. В голове крутились лишь обрывки того, что попадалось мне на глаза и уши.

– Марта, Мартушка, – звала жена пастора.

– Очнись, девонька, – доносился голос Глюка.

Я почувствовала что-то зловонное, и голова стала понемногу проясняться. Я всё ещё лежала на руках у пастора, а кто-то из его воспитанников подносил к моему носу охапку цветов василистника¹⁵, который и привёл меня в чувство благодаря своему дурному запаху. Раскашлявшись от мерзкого аромата цветка, я приоткрыла глаза. Всё, что помню – это много людей вокруг меня, суетливых и напуганных. Крики побледневшего пастора приглушённо доносились до моих ушей, но реагировать я на них была не в состоянии.

– Уложи ее на кровать, – сказала его жена, – Сейчас ей станет лучше.

И правда, спустя какое-то время я стала понимать происходящее, но легче от этого не стало. Глаза наполнились горькими слезами. Мыслями я ещё была в том злополучном доме. Со мной никто никогда не обращался так жестоко, как свёкор. Хотя я и жила на правах служанки в доме пастора, всё же не знала, что такое насилие и унижение.

– Твой муж тебя избил? – спросил кто-то из воспитанников.

– Нет, – прошептала я, – Его отец.

По комнате пронеслось негодование.

– Как же так, Мартушка? – изумился Глюк, – Ты что-то натворила?

– Ничего, – едва слышно ответила я, – Он был пьян, потому и набросился на меня с кулаками.

– Иоганн не защитил тебя?

¹⁵ Растение, обладающее специфическим запахом.

– Его забрали на войну.

– Ах, да, конечно же, совсем из головы вылетело. Нужно было тебя забрать оттуда к себе, когда всех мужчин призвали.

– Пастор, я не хочу возвращаться в эту проклятую семью. Позвольте мне остаться, – умоляла я, целуя руку Глюка.

– Конечно, ты останешься здесь. Мы позаботимся о тебе. Отдохни теперь. Придешь в себя, и будем решать, что делать дальше, когда твой муж вернется.

Следующие несколько дней Глюк почти не выходил из своей коморки, где всё время молился. Его мучала совесть. Он считал себя виноватым в том, что со мной произошло. В попытках утешить, я несколько раз подходила к его двери и заговаривала с ним, но ответа не следовало. Не понимает ведь, что своим молчанием делает мне ещё хуже. Каждый раз, увидев незажившие следы от ран на моем лице, он гневался на себя. Даже, когда я полностью оправилась, пастор не переставал корчить гримасу боли при виде меня.

Напряжённая обстановка в доме была не только по поводу случившегося со мной. Сейчас весь город обеспокоен нашествием русской армии. Они вот-вот захватят нашу крепость, а если это произойдёт, то Мариенбург будет подвергнут разорению. Наше ополчение передало, что москвиты семимильными шагами приближаются к городу. Латвийские солдаты то и дело возвращались обескровленные, раненные и полуживые. Я не знала, жив ли мой муж, о нём ничего не было слышно.

Надежда на удержание Мариенбурга день ото дня сводилась к нулю. Так, вплотную подойдя к нашей крепости, русской армии всё же удалось её захватить. В городе начался хаос, русские бесчинствовали: убивали мужчин, насиловали женщин, забирали всё имущество у народа, не оставляя ничего. Несчастные, подвергшиеся разорению, приходили к нам, пастор принимал всех и обеспечивал им кров. Здесь каждый чувствовал себя под защитой. Даже жестокая русская армия не решалась посягать на дом священнослужителя.

Глюк каждый день ходил в шатер к генералу русской армии просить пресечь дикое поведение среди армии в отношении мирного населения, но ни одна его попытка не увенчалась успехом. Фельдмаршал то совсем не впускал пастора в свой шатёр, то безучастно выслушивал, но ничего не предпринимал. Жизнь в городе словно остановилась, каждый боялся выйти из дома. Когда давление народа на пастора стало усиливаться, он решил действовать по-иному, было принято решение идти к генералу большой толпой в надежде, что он не сможет отказать целому скоплению людей. Всего желающих собралось четыре десятка человек, в том числе все, кто находились под покровительством пастора. Мне эта затея казалась сомнительной. Не думаю, что к мнению простого народа станут прислушиваться.

Когда толпа всё же ворвалась в шатер, генерал сидел за столом и лениво строчил что-то в своих бумагах. Этим человеком оказался мужчина лет пятидесяти. Выглядел он, правда, плохо. Я бы приняла его за старика, если бы не знала его возраста. Мужчина был достаточно высок и толст. Седые засаленные волосы беспорядочно торчали на лысеющей голове. Широкие брови, большие глаза, аристократический нос, тонкие губы – всё передавало его суровый нрав. Генерал был хорошо одет, на нём был тёмный мундир. Он спокойно поднял голову на пастора, кинул взгляд на всех остальных и невозмутимо продолжил свою работу. Казалось, он вообще не слушал вдохновенных речей служителя храма.

– Я прошу Вас, благородный генерал, прекратить бесконечные потоки безобразного поведения со стороны вашей армии, – так закончил свою молву пастор.

– Ну что Вы столь негостеприимны. А знаете ли Вы, что армия русского государства самая сильная. Таких людей, как у нас во всем мире не сыщите. С такой отвагой в бой идут. Герои! Они долго воевали, несколько месяцев не видели своих жен, теряли друзей на полях сражений, а теперь им просто хочется отдохнуть. Да, нравятся им ваши женщины, вон какие

миловидные, черт бы их побрал. Что я им откажу что ли. Не враг я своим солдатам, в конце концов, – с этими словами фельдмаршал встал с места и легким движением руки продемонстрировал свое нежелание с нами больше говорить.

– Как же так, генерал. Неужто так и будет продолжаться? – не унимался пастор. – Это возмутительно. Мы добровольно подписали с вами соглашение о сдаче города взамен на ваше обязательство не громить его.

– А кто его громит? Мы не уничтожаем город.

– Вы разграбляете его жителей.

– В соглашении не было сказано ни слова о неприкосновенности жителей.

Пастор не желал уступать, пытался возражать, чем явно привёл в бешенство престарелого генерала.

– Ох, как ты мне надоел, поп. Ладно, дам я указ армии о прекращении насилия, но с одним условием. Нам нужно в государство трофей вести. Брать в вашем городе нечего, ценностей никаких, а не принято у нас без ничего возвращаться. Так что мы соберём пленных, тысячи две человек обоего пола, не больных, не стариков.

– Ваше условие унижительно и невыполнимо. Мы не согласны с этим.

Генерал был не на шутку разъярён, видно было, что его терпение на исходе и тогда, грубо топнув сапогом о землю, он закричал:

– Всё, надоело. Я вас не спрашиваю. Мы увезём пленных и точка, – он издал громкий свист и вскоре у входа в шатер показались кавалеристы с фузеями в руках. – А ну выбирайте среди них самых крепких мужчин и самых красивых женщин.

Солдаты важно стали отбирать людей. Неожиданно один из мужчин, не выдержав того, что кавалерист стал уводить его жену, начал с ним драку. Остальные мужчины тоже вступили в побоище. Всё это продолжалось не долго, один из кавалеристов выстрелил недовольному мужу в спину, от чего тот в сию же секунду упал замертво. Вот тут-то начался настоящий хаос: толпа пустилась прочь из шатра, а пришедшие на подмогу кавалеристам, драгуны стали хватать всех подряд и уводить куда-то.

Я тоже попыталась бежать, но уже у выхода из шатра я оказалась в крепких руках солдата. Он вцепился в мою талию, легко поднял над землёй и затащил внутрь. Я кричала, брыкалась, но всё оказалось бессмысленно – вокруг было столько шума, что услышать меня было невозможно, голос терялся среди прочих воплей таких же беспомощных женщин и мужчин. Пастор не попадался мне на глаза. Собственно, больше не от кого было ждать помощи.

Раздалось ещё несколько выстрелов, а через пару минут шатёр уже был пуст. Меня и остальных пленённых завели в другой шатёр. Генерал уже был там. Он велел выстроить нас в одну шеренгу и стал осматривать, словно охотник добычу. Когда очередь дошла до меня, он схватил меня за руку и отодвинул в другое место. После этого солдаты собрали всех в кучу и снова повели куда-то. Здесь остались только мы с генералом. Он повёл меня вглубь шатра, где, по всей видимости, находились его личные покои. Там была небольшая кровать, ограждённая ширмой и стол, на которой стояли ваза с яблоками и бутылка рома.

Генерал сел за стол и учтиво предложил мне составить ему компанию. Я не реагировала на его слова, стояла молча, боясь пошевелиться.

– Не хочешь есть? Ладно, заставлять не буду. После такого у кого угодно аппетит пропадёт. Как тебя звать? – спросил фельдмаршал.

– Мартой, – промычала я, спустя некоторое время.

– Ты очень милая, Марта. Я сразу заметил тебя среди прочих. Отныне будешь жить здесь со мной.

Я вся в слезах упала к нему в ноги и стала молить отпустить меня. Пришлось даже сказать, что я больна, но генерал не поверил моим неубедительным словам, а только улыбнулся мне в ответ и протянул руку, чтобы я поднялась с грязной земли.

– Не бойся, я на твою девичью честь покушаться не собираюсь. Ты здесь не для этого. Теперь я точно удивлена. На что я ему тогда понадобилась?

Я непонимающе смотрела на генерала, пытаюсь понять, чего он от меня ждёт.

– Ну что ты на меня уставилась? – засмеялся генерал. – Садись давай, отобедаем. Сейчас мясо принесут. Сегодня утром поймали в ваших лесах кабана, долго его готовили, вот, наконец, и опробуем.

– Зачем я вам? – не выдержав, спросила я.

– Одиноко мне здесь. Ещё не известно, сколько тут придётся пробыть. Надоело с одними мужиками общаться, хочется слышать женский голосок.

Вот-те на! Даже не вериться. Может, он таким образом решил надо мной подшутить?

– Ты танцы какие-нибудь знаешь? – продолжил старик.

– Нет, – пробурчала я.

– Ну, нет, так нет. Значит, песни будешь петь.

– Я не умею петь.

– Да что ты заладила, не умею, не знаю. Ух, ладно, тогда просто разговаривать будем. По глазам вижу, что девушка ты не простая. Меня, кстати, Шереметевым Борисом Петровичем зовут.

Его слова не переставали меня удивлять. Я и в мыслях не могла допустить, что всё пойдет именно так, а не иначе.

– Борис Петрович, умоляю, отпустите меня.

– Не могу. Да и зачем тебе возвращаться? Город захвачен, скоро в нём жить будет невозможно. У тебя семья есть?

– Нет, – соврала я.

– Вот видишь, куда тогда стремишься? А здесь тебе все условия. Будет где спать, голодать не будешь. Ты главное относись ко мне с уважением, тогда проблем не будет. Мы с тобой поладим. Обещаю, что скучать со мной не будешь.

Перспектива остаться в шатре с вражеским генералом вызывала смешанные чувства. Я, конечно, не переставала надеяться, что пастор найдёт способ выдворить меня отсюда, но всё это казалось практически несбыточным. Выкрасть меня из плена он точно не в силах, потому что добраться до генеральского шатра не представляется возможным, он не сможет пройти незамеченным среди сотен солдат, которые здесь повсюду. С Шереметевым он не сможет договориться. Это однозначно. Хуже мое положение уже точно не станет. Вернуться с плена для меня не лучший вариант, скорее даже наихудший.

Что может ждать девушку, вернувшуюся из пленения? Как минимум отчуждение и одиночество. Кто поверит, если я заявлю, что не подвергалась срамному насилию? К тому же, где подтверждение тому, что я не была заражена болезнью после предполагаемой связи с насильниками. Иоганн от меня отвернётся, если вернётся живым. После такого замуж больше не возьмут. Да что там замуж, даже простые прохожие станут меня сторониться. Смогу ли я смотреть пастору в глаза без чувства стыда?

Что ж, похоже, мне стоит смириться и просто плыть по течению, ничего не предпринимая.

Так и случилось. Мне ничего не оставалось, как остаться в плену. Впрочем, «пленом» место, в котором я оказалась, назвать трудно. Условия хоть и полевые, но всё же лучше, чем тот же дом Иоганна. В моем распоряжении была довольно большая часть шатра генерала. Для меня здесь установили кровать. Каждое утро подпоручики заносили мне чан с водой, чтобы я могла умыться.

К новому обществу я, как ни странно, привыкла быстро. С фельдмаршалом скучать не приходилось. Он оказался добрым и весёлым человеком, а также интересным собеседни-

ком. Каждый вечер, после ужина, мы проводили время за разговорами. В основном говорил он, а я буквально не могла оторвать ушей от его рассказов о русском нраве, царе и великолепии Московии. Подобные беседы пробуждали во мне живой интерес, и ночью вместо сна я погружалась в мечты о дальнем путешествии в Российское царство.

Шереметев относился ко мне весьма благосклонно, почти как к дочери. С утра до вечера он занимался делами армии, а вечер обязательно посвящал мне. В этом человеке я открыла для себя двух совершенно разных личностей: один – генерал армии, выдающийся полководец с непререкаемым авторитетом, статный, серьёзный и суровый. Он позволял себе вести себя пошловато по отношению ко мне, когда мы находились на виду у солдат. Второй – добрый старик, мечтающий о беззаботной жизни в своём провинциальном имении вдали от городской суеты. Он вынужден был посвятить жизнь столь грубому военному поприщу, а грезил о прекрасном. Из его уст раздавались восхищения музыкой, поэзией, живописью, да чем угодно.

Я перестала его бояться. Наоборот, он стал мне близок как отец, которого я так рано потеряла. Но и я олицетворяла для него недавно умершую дочь. Вот так мы оказались в некотором роде выгодны друг другу.

III

Александр Меншиков

Октябрь 1702 года

Россия вот уже третий год ведёт войну со Швецией. Наши успехи в этой кампании пока не велики, особенно тяжело далась битва у Нарвы¹⁶, которую наши войска нелепо проиграли. Бои идут с переменным характером, антишведская коалиция то вырывается вперед, не давая противнику никаких шансов на победу, то оказывается побеждённой хорошо обмундированной шведской армией под командованием Карла XII. Король довольно сильный противник. Кто бы мог подумать, что совсем юный полководец сумеет так безупречно вести войну.

Но наша армия тоже не отстает. И государь российский ни в чем не уступает шведскому. Пётр Алексеевич доволен своими людьми. В этой войне ему помогают многие величайшие умы страны, со всеми из них у царя сложились дружеские связи. Посему предателей в этой войне страна практически не знала. В этом главное преимущество России перед противником, ведь одних только шведских пленных, перешедших на нашу сторону, насчитали около двух сотен.

Государь, никогда не был обделён в дружбе, но его лучшим другом всё же вот уже много лет остаюсь я. Сейчас уже и не вспомнишь, когда мы точно имели счастье познакомиться. Для меня эта дружба величайшая награда в жизни. Пётр Алексеевич всегда меня понимал, как собственнно и я его. При дворе меня не сильно жалуют, всё потому, что люди находят моё влияние на государя чрезмерным, ведь царь не принимает ни одного решения, не посоветовавшись предварительно со мной. Немецкую слободу, путешествия по Европе – всё мы прошли вместе. Даже женщины у нас бывали одни на двоих. Вот и войну вместе начинали.

Казалось, я только недавно приехал в Россию после усердных боев, но вот время пришло брать новые вершины. Государь велел мне ехать в Мариенбург, который в недавнем прошлом удачно захватил выдающийся полководец Борис Петрович Шереметев, потомок крупнейшей династии России. Знакомство его с государем состоялось во время первого похода обоих на Азов, где они проводили много времени вместе за дипломатической работой, иногда их объединяли различного рода развлечения и времяпровождения. Царь очень ценил заслуги Бориса Петровича перед Отечеством, который не раз был удостоен высших наград. Месяц назад Шереметев послал донесение с хорошим известием в Москву о том, что крепость на окраинах Латвии теперь наша. Чтобы подчинить эти места фельдмаршалу хватило всего-то нескольких дней. В его подчинении теперь оказались сразу несколько городов.

– Поезжай-ка ты, Алексашка, на подмогу в армию Шереметева. Он пишет, что захватил много пленных из разных городов, а уместить этих людей негде, привезти бы их сюда, отправим на работы в наш новый город, – давал мне указание государь.

– Как скажешь, Пётр Алексеич, надо так поеду, завтра же.

– Уладишь там всё и тут же приезжай обратно, ты мне и здесь нужен.

– Конечно, приеду как только смогу, – отвечал я. – Государь, хотел с тобой поговорить об Анне Монс.

– А что о ней говорить?

– Что надумал насчёт неё? Простишь, иль закончишь с ней отношения?

– Давно уже закончил, не желаю больше об этой профуре¹⁷ ничего знать. Ошибся я в ней сильно, столько лет меня обманывала, а я не видел.

– Может это и к лучшему, хорошо, что вовремя всё раскрылось.

¹⁶ Битва состоялась в ноябре 1700г.

¹⁷ Женщина лёгкого поведения.

– Да, больше не хочу о бабах думать. Старею что ли, – смеялся Пётр. – Или сходим перед твоим отъездом в Немецкую слободу как раньше? А? Как на это смотришь?

– Почему нет? Пошли.

Мы как дети кинулись бежать за лошадьми, кто кого быстрее. Как же я люблю такие моменты, когда, забыв обо всем, мы с ним дурачимся. Я был доволен тем, что смог поднять настроение государю.

Всю ночь мы провели в слободе, в компании хорошеньких немок, попивая из больших кружек пиво и потягивая трубки.

Наутро я отправился в Мариенбург. Путь предстоял долгий и нелёгкий.

Я приехал к месту назначения через две недели. Погода стояла чудесная. Возле взятой крепости меня встретили трое драгунов. Один из них слез с лошади и подойдя к моей тройке, уселся рядом с кучером, направляя его в сторону расположения армии. Но я не стал ехать в карете, мне изрядно поднадоело это долгое сидение на одном месте, покачиваясь из стороны в сторону. Таким приятным показался мне простой прогулочный шаг.

Вокруг действительно было абсолютная разруха, как и описывал в своем письме Шереметев. Отсюда хорошо видны улицы опустевшего города.

Прямо у входа в шатер фельдмаршала я наткнулся на молодую женщину. В спешке, выбегая оттуда, она наступила своей маленькой ножкой мне на ботфорты. На ней была походная одежда, не как у крестьянки, но и на дворянку она не тянула. Её огромные карие глаза надолго врезались мне в память. В ней было что-то очень родное, душевное. При виде меня она мило смутилась. Эта внезапная встреча с глазу на глаз длилась мгновение, но по какой-то причине произвела на меня удивительное впечатление.

Шереметев сидел за своим письменным столом и погруженный в свои мысли водил указательным пальцем на раскинутой по столу карте. Увидев меня, Борис Петрович повеселел, да и я не смог сдержать улыбки, давно мы не виделись, а ведь в Москве нам приходилось часто бывать в одних кругах.

– Александр Данилович, вот и ты! Рад тебя видеть. Долго ты, однако, до нас добирался, – сказал он, пожимая мне руку.

– Добрый день, Борис Петрович! Да, доехать до вас оказалось нелёгкой задачей, моя карета то натыкалась на болота, то и вовсе ломалась по пути.

– Ну ладно, зато теперь отдохнёшь. Для тебя постель готова, сейчас отведем с тобой похлёбки, потом поспишь, а то в карете и не дремал, небось, толком, – говорил генерал, указывая на кровать, стоящую чуть дальше от кровати самого Шереметева.

– Благодарю Вас, фельдмаршал. Вы правы, я действительно очень устал.

– Мартушка, неси скорее нам еды, гость ведь уже приехал, где ты там ходишь! – начал громко кричать он.

Тут рядом с нами очутилась та самая девушка с незабываемыми глазами. Она держала большой поднос с двумя латунными тарелками. Я увидел, что ей было тяжело нести его, поэтому выхватил поднос у неё из рук. В благодарность она улыбнулась мне такой искренней улыбкой, что я снова забылся и на секунду замер, уставившись на неё. Благо генерал начал что-то говорить, и мои мысли вернулись обратно.

– Дочка, ты поешь после нас, – сказал он, обращаясь к девушке.

Она кивнула и ушла.

– Это ваша дочь? – удивленно поинтересовался я.

– Да нет, – засмеялся генерал, – Это... не знаю даже, как её назвать... моя пленница.

– Как это нас Вас похоже, Борис Петрович. Кажется, Вы заводите прекрасные отношения со всеми людьми, даже с врагами, – подтрунивал я старика.

– Да какой из этой девчушки враг? Ты посмотри на неё, наивная, слабенькая. Я как её увидел, сразу решил, что возьму к себе, абы кто-то тут обо мне заботился.

– Миловидная, не поспоришь. А что с ней сделается, когда вы соберётесь покидать Мариенбург?

– Об этом я ещё не думал. Домой, конечно, я её не привезу, жена меня не поймёт, но и здесь не могу её оставить.

– У неё нет семьи?

– Сирота, похоже.

– Тогда скорее Вы о ней заботитесь, чем она о Вас, – съязвил я.

– Может и так, но я без неё скучал бы тут один. Так хоть поговорить есть с кем. Да полно о ней. Ты мне лучше поведай, что там, в Москве, слышно? Есть новости?

– Ничего нового, помимо того, что государь наш, Пётр Алексеич, город строить начал.

– Как город? – чуть не подавился генерал. – Шутишь?

– Я и сам сначала не поверил. Город будет стоять на Неве. Сейчас государь принимает у себя архитекторов со всей Европы и ищет того, кто возьмётся за строительство города.

– Вот те на, откуда ж столько денег то возьмём? Война всё-таки идет.

– У государя есть задумки, как казну пополнить. Он знает, что делает. Не нам с Вами судить его.

– Это точно. Будь, что будет. Давай-ка, выпьем за твой приезд.

Даже не помню, в какой момент мой разум погрузился в сон, я проспал два часа, а когда проснулся, увидел недалеко от себя Марту. Она тихо сидела, подогнув под себя ноги, и зашивала пуговицу на моем камзоле. Заметив, что я разглядываю её, она вскочила и испуганно произнесла:

– Генерал просил меня за Вами поухаживать. Вам что-нибудь нужно?

Какой у неё нежный голос, мне хотелось слушать только её. Я снова уставился в эти огромные глаза и не мог отвести от них взгляда. Её багряные щеки так и горели от смущения. Мне ничего не было от неё нужно, но, если я сейчас скажу ей это, то она уйдет, и я не смогу наслаждаться её присутствием.

– Мне хочется пить. Будьте добры, принесите стакан воды, – произнёс я заспанным голосом.

Она быстрым шагом сходила за водой и уже через минуту стояла возле меня, протягивая прозрачный стакан, до краёв наполненный холодной водой. Я сделал пару глотков и, чтобы она не уходила, продолжил разговор.

– Благодарю Вас, Марта. Вам не стоит так стесняться. Или я приношу Вам неудобства?

– Не приносите, – промурлыкала девушка.

– Вам, вероятно, неприятно находиться в одном шатре с двумя мужчинами. Понимаю. Увы, в условиях войны нет возможности выделить Вам отдельные покои.

Я старался быть с ней учтивым. Для меня это было новым занятием, так как мне никогда не приходилось быть ласковым с противоположным полом. Обычно дамы сами изо всех сил пытались мне понравиться, а не наоборот.

– Всё хорошо. Я привыкла.

– Вам очень повезло, что попали именно к Шереметеву. Он хороший человек. Окажись Вы в шатре любого другого генерала, Вам пришлось бы стать его наложницей.

– Я знаю.

– Вы не желаете вернуться домой?

– Не особо.

– Вас кто-нибудь ждёт?

– Мой муж ушёл воевать. Я не знаю, жив ли он.

– Вы не любите его, да? По Вам не скажешь, что Вы сильно опечалены этим фактом.

– Вам так интересна моя жизнь? – улыбнулась она.

– Да, мне хочется узнать Вас лучше.

– Мне пришлось выйти за него по принуждению. И он меня не любит, а его отец избил меня. Вот и всё. Моя жизнь не так увлекательна, – девушка начала включаться в разговор, в её голосе уже не слышалось ноток страха и неуверенности.

– Мне очень жаль. В таком случае, я думаю, Вам всё-таки лучше остаться с Шереметевым.

– Скажите, поручик, что со мной будет дальше? – жалостливо интересовалась она. – Меня убьют? Или отправят в Москву со всеми остальными в кандалах и оковах? Я ведь понимаю, что армия скоро уйдёт отсюда. Всё время так продолжаться не будет.

– Нет, конечно, Вас не убьют, что за вздор. И в качестве пленной Вас тоже вряд ли отправят. Но и взять Вас к себе генерал не сможет. По крайней мере, Вы не будете жить с ним в его имении. Он очень привязан к своей супруге. Я никогда не видел его в окружении другой женщины, так что не знаю, что Вас ждёт. Но Вы не отчаивайтесь, Шереметев не из тех, кто бросает людей на произвол судьбы. К тому же, он души в Вас не чает.

Мои слова не убедили Марту, она поникла, а я не мог её ничем утешить, потому как я и вправду не имел ни малейшего понятия, что ей ответить. Я не хотел обижать её, но сказанное мной не могло не расстроить бедную девушку.

Она поклонилась мне в знак уважения и вышла из шатра. Потянувшись, я накинул на себя мундир, умыл лицо прохладной водой и пошёл к генералу.

День ото дня мы с Шереметевым занимались одними и теми же делами, как по расписанию. Рано утром мы скакали на охоту в здешние леса, полные всякой живности, так что вся армия практически ежедневно получала мясо на ужин. Захваченные в плен женщины потрошили животных, привезённых нами с ловли, затем готовили еду. После обеда мы продумывали тактики дальнейших боевых действий. Иногда приходилось отбрасывать часть наших сил на другой фронт в помощь русским генералам, а бывало, что мы принимали к себе раненных солдат со всех находящихся вблизи батальонов. Вечер был единственным временем, которое каждый мог провести по своему усмотрению. Так всю неделю я, в попытках избежать Марту, садился на коня и отправлялся далеко за пределы города, где оставался наедине с самим собой. Нам с девушкой случалось пересекаться только раз в день. Правда, думать о ней я меньше не стал, возможно, даже больше, чем раньше. Её образ прочно засел в моей голове и не давал сконцентрироваться ни на чём другом.

Да что это я?

Нужно немедленно покончить с подобными мыслями. Я никого не намерен пускать к себе близко. Десять лет я наблюдал за тем, как мой лучший друг, Пётр Алексеевич, страдал от любовных мук и как он мучается теперь, когда его любимая Анна Монс изменила ему. После такого урока я решил для себя раз и навсегда, что ни одна женщина не будет иметь власть надо мной, ни одна женщина не будет разрушать мои планы и устремления.

В один из вечеров я был несколько часов занят написанием государю длинного донесения с детальным описанием состояния армии Шереметева, вестью о потерях, о больных, о жителях города и количестве пленных.

Позвать меня на ужин генерал отправил Марту. Она тихонько обратилась ко мне и незамысловатым жестом позвала за стол. Блюд было не много, в центре стояла тарелка с разделанным кабаном, который был пойман утром самим Шереметевым на охоте. Перед каждым из нас стоял стакан с алым вином. Марта сидела на противоположной от меня стороне и всё так же смущалась, как при первой встрече, боясь поднять глаза на меня. Мы вели беседу с генералом, а девушка на протяжении всей трапезы не проронила ни слова. Она сидела, уткнувшись в свою тарелку, и размышляла о чём-то. Мне так хотелось узнать, что творится у неё в голове,

думает ли она обо мне так же часто, как я о ней. Я пытался сдерживать себя от разглядывания этой юной особы, но её красота как магнит притягивала мои взгляды к себе, не давая ни на минуту забыть о её существовании. Только здесь, за ужином, когда мы находились на близком расстоянии, я, наконец, смог полностью изучить её внешность, её тело, но меня манила не только её физическая привлекательность, душа мистическим образом желала изучить её внутренний мир. Как такое могло случиться, что я пленился изяществом женщины? Я сильно корил себя за эту неосторожность, потому что это мешало мне работать, мешало быть самим собой. В некотором роде я даже возненавидел её за то, что она всецело подчинила меня себе.

– Я здесь уже две недели, – начал я разговор, обращаясь к генералу. – Выполнил свою задачу, сделал все необходимые поручения.

– Ты прав, Александр Данилович. Можешь отправляться обратно, как только захочешь. Сейчас работы станет меньше, жители города окончательно признали нас захватчиками и теперь не претендуют ни на что, как в первое время.

– Думаю, через дней десять я смогу отбыть в Москву с пленными. Нужно начать готовить обозы.

– Завтра начнёшь. Ты знаешь..., – начал было говорить Шереметев.

На полуслове его прервал внезапно очутившийся в шатре вестник. Он передал генералу свёрток бумаги, сказав, что послание из его имения. Шереметев раскрыл свёрток, начал читать и с ужасом вскрикнул, немало напугав всех нас. Я выхватил послание из его рук и прочёл его вслух. В нём говорилось о смерти супруги Бориса Петровича, Евдокии, после продолжительной болезни.

Генерал стал сам не свой, его лицо моментально побледнело, он, будто, впал в транс, не слышал нас и ничего не говорил, сидел, уткнувшись в одну точку на полу. Марта пыталась его успокоить, но всё было бессмысленно. Он просто встал и ушёл в укромное место. Мы с девушкой остались вдвоём, ошарашенные не меньше генерала.

Марта была испугана, она сидела и дрожала ни то от страха, ни то от холода. Я присел рядом с ней и накинул на неё свой кафтан. Она благодарно подняла на меня свои огромные глаза, в них было столько искренности, доброты и наивности, что я не мог устоять. Ещё немного и я бы притянул её к себе, чтобы поцеловать эти пухлые розовые губы. Благо сила воли одержала верх над моей слабостью, и я поспешил покинуть её.

– Марта, с Вашего позволения я пойду спать. Сегодня был тяжёлый день, я очень устал, – я попытался изобразить полное равнодушие.

– Доброй ночи, Александр Данилович.

Боже, как она нежно произносит моё имя. Сердце умоляло меня остаться с ней, а разум убеждал в том, что оно того не стоит.

Утром я не мог найти Шереметева. Пришлось обратиться к девушке.

– Марта, где генерал? – холодно спросил я.

– Он не выходил из шатра, проплакал всю ночь, совсем не спал.

– Что ж, не буду его тревожить.

– Вернуться домой нельзя? Он не в состоянии командовать армией, – сказала она.

– Он не должен покидать пост. К тому же, в имении ему сейчас будет намного тяжелее, чем здесь. Там всё будет напоминать ему об утрате.

– Он ведь так страдает.

– Это вопрос времени. Пройдёт. Нам нужно подождать.

– Вам виднее, – ответила она и направилась в сторону леса.

– Марта, – позвал я. – Куда Вы?

– Хочу побыть одна.

– Это опасно, – настаивал я.

– Не волнуйтесь. Я знаю эти леса.

– Вам плохо?

– Да, – шепотом сказала она, даже не обернувшись на меня, и помчалась прочь.

Я не мог допустить, чтобы она одна оказалась в лесу, и поэтому пошёл за ней, но так, чтобы она не заметила моего присутствия. Она долго бежала и замедлилась только, когда поселения не стало видно. Дойдя до толстого дерева, раскинувшего ветки вверх так, что не было видно неба, она остановилась и прислонилась к нему, опрокинув голову назад. С листьев на её лицо падали капли росы. Я украдкой наблюдал за ней со стороны. Девушка закрыла глаза и, кажется, наслаждалась свежей прохладой и уединенностью. Внутри меня всё продолжало бороться. Я не в силах противостоять этому чувству.

Всё же не выдержав, я направился к ней, понадеявшись на случай. Не хотелось думать, что делать, как поступить, я решил плыть по течению.

Марта не заметила того, что я оказался прямо перед ней. Она где-то витала, мысли её были не здесь. Зрачки под прикрытыми веками бегали из стороны в сторону, а губы расплывались в еле заметной улыбке. Она резко открыла глаза, услышав мое громкое частое дыхание. Увидев меня перед собой, она попыталась отпрянуть назад, но широкий ствол дерева помешал ей. Она была очень напугана, не понимала происходящего. Мы оба молчали с минуту, просто смотрели друг на друга. Какая-то сила толкнула меня к ней, и я почувствовал вкус её уст. К моему удивлению, она не противилась мне, и даже наоборот – ответила взаимностью со всей страстностью. Несколько минут блаженства промчались незаметно быстро.

– Марта, я... кажется, влюбляюсь в Вас, – выдавил я из себя, – С первого дня, как только увидел. Вы меня буквально прошибли, со мной никогда такого не было. Я еле сдерживался, пытался Вас избегать, но у меня ничего не получалось.

– Александр Данилович, – прошептала она, – Я думала, что... Вы отталкивали меня от себя.

– Было так тяжело, не позволять себе находиться с Вами всё время. Я обманывал себя, заставлял поверить в то, что Вы не должны меня интересовать. Но ночами я думал только о Вас.

Она замолчала. Я приобнял её. Несколько раз провел пальцем по её макушке.

– Что же нам делать? Я должен уже вернуться в Москву. Шереметев не позволит мне забрать Вас с собой. Если бы я только мог оставаться здесь с Вами.

– Это невозможно. Прошу, уезжайте скорее. То, что между нами сейчас было, мы должны забыть.

– Вы хотите этого? – спросил я её с горечью в голосе.

Она промолчала.

– Марта, ответьте, Вы что-нибудь чувствуете ко мне?

– Я не знаю. Боже, как это сложно. Я никогда не любила и не могу представить, что должна чувствовать.

Я понял, что она не влюблена. Она сама этого не понимает, но я вижу по глазам, что не то чувство ею одолевает.

Девушка ушла. Я не стал её догонять.

Я весь день бродил в этом лесу, размышляя о том, что произошло.

Когда я вернулся, Марта сидела у костра, протягивая к нему замерзшие руки. Я прошел мимо неё и зашел в шатер. Она лишь кинула на меня мимолетный взгляд. Ничего в нашем поведении не могло выдать случившегося между нами днём в лесу.

IV

Марта Скавронская

Октябрь 1703 года

После признания в лесу поручик стал снова сторониться моей компании. Он пребывал в поникшем настроении, в основном всё время находился в шатре, а когда я туда навещала, он делал вид, что у него появились дела и уходил прочь. Генерал тоже не покидал шатер с того самого момента, как его настигла трагедия. Я осталась совсем одна. Солдатам не принято было заводить разговор с женщиной их полководца, пленным тоже запрещалось с кем-либо говорить. Скука сводила меня с ума, делать здесь было совершенно нечего. Пасмурное небо, покрытое плотными серыми тучами, ещё больше способствовало негативному расположению духа.

Спустя неделю, в моей жизни стали происходить неожиданные перемены. Шереметев, сумевший кое-как перебороть свое отчаяние, начал мало-помалу выбираться на свежий воздух и даже разговаривать. Он позвал меня к себе, сказав, что назрела необходимость поговорить. Мужчина долго не мог собраться с мыслями, то и дело запинаясь. Кажется, он не был уверен, стоит ли ему продолжать или лучше остановиться, пока не поздно. В конце концов, он решился и быстро проговорил то, что так долго пытался выдать из себя.

– Мартушка, всё вдруг так быстро случилось. Мы прожили с женой долгую и счастливую жизнь, наблюдая за тем, как растут наши дети. Теперь они все покинули наш дом. Я полагал, что после войны уйду в отставку и проведу остаток жизни в спокойной старости вместе с Евдокией. Но господу Богу было угодно унести её на небеса, – генерал замялся, – Я хотел бы сделать тебя своей супругой.

Моему удивлению не было предела. Меня вдруг передернуло. Не зная как реагировать на такие слова, я просто промолчала.

– Голубушка, – продолжил он. – Не отвергай меня сразу, подумай. Заставлять я тебя не собираюсь. Ты вольна в своем выборе. Я даю тебе время на размышления, скажешь свой ответ, когда посчитаешь нужным. Счастливой я тебя, конечно, не сделаю, но обеспечу спокойную и стабильную жизнь. В твоём распоряжении будет всё мое имение и много прислуги. Ты станешь женщиной из высшего общества, сможешь посещать балы, устраивать свои, всё что захочешь. Если ты согласишься скрасить остаток моей жизни, то я не откажу тебе ни в чем. Я нисколько в тебе не сомневаюсь, ты вела себя более чем достойно всё это время, заботилась обо мне, слушала мои пустословия, не создавала мне проблем, не капризничала.

– Борис Петрович, я замужем. Хотя мой брак и не удачен. Я безмерно Вам благодарна за то, что спасли меня от такой судьбы, дали шанс выбраться из западни, но, если я сейчас соглашусь стать вашей женой, то получается, что я снова окажусь в той же яме. Я не совершу более подобной ошибки. Для себя я решила – если мне и выдастся возможность снова выйти замуж, сделаю это только по большой любви.

– Эх, Марта, ты могла бы осчастливить меня. Что ж, я обещал не принуждать. Если ты не хочешь, я не буду настаивать.

Я вышла из покоев генерала. В душе остался неприятный осадок, будто я обидела и без того обессиленного человека, который был безмерно добр ко мне. Однако я не могла поступить иначе.

Поручик усиленно готовился к отъезду. Мы время от времени лишь обменивались долгими взглядами, не решаясь поговорить.

Осознав, что Александр Данилович уже не придет со мной проститься перед отъездом, я отправилась спать. Было очень жаль, что мы расстанемся вот так вот, ничего не сказав друг другу.

Глубокой ночью меня разбудил знакомый голос, несколько раз чуть слышно проговоривший мое имя. Открыв глаза, я обнаружила около себя Меншикова. Он стоял на коленях у моей кровати. Мужчина был уже одет к поездке, на руках он держал клочок бумаги. Александр Данилович продолжил говорить всё так же шепотом.

– Марта, поехали со мной, – проговорил он твердо и уверенно.

– Что? – удивилась я.

– Я предлагаю тебе ехать со мной в Москву. Сейчас или никогда. Шереметев уехал на охоту, а все солдаты спят. Экипаж с пленными готов, он ожидает на той стороне крепости, за шесть миль отсюда. Я хочу, чтобы ты поехала вместе со мной.

– Я не могу, – вскрикнула я.

– Тише, Марта, нас могут услышать, – поручик взял меня за руку, немного помолчал и снова стал медленно говорить. – Хочешь жить в шатре с немощным стариком? Ты даже не знаешь, что тебя ждет. Идет война, ты будешь переезжать с ним из одного поселения в другое, постоянно подвергаясь опасности. Ну же решайся, у тебя есть пару минут.

– Как же я его брошу?

– Я дам тебе больше, чем он. Ты будешь хозяйкой в моем доме. Я знаю, ты не любишь меня, я и не претендую. Я только предлагаю тебе быть рядом со мной. В Москве тебя ждет достойная жизнь. Я дам тебе свободу. Тебе не придется ни от кого зависеть. С генералом ты не будешь вольна, а со мной да. Вот записка, я набросал её для генерала. В ней я изложил всё очень подробно, рассказал о моих чувствах к тебе и написал, что я краду тебя без твоей воли, дабы тебя не мучило чувство совести. Он не будет знать о том, что ты сбежала. Вся вина ляжет на меня.

Я замялась. Предложение поручика было заманчивым, к тому же, я понимала, что все его слова – правда. Я действительно не хочу всю жизнь провести с Шереметевым, сопровождая его на полях сражений. Правильным было бы, конечно, отказаться сразу, ведь Борис Петрович не заслужил предательства, я не могу сбежать от него, но в то же время я не могла не думать и о себе.

– Марта, – вопросительно произнес Меншиков, ожидая моего ответа.

– Прости меня, – сказала я, несколько секунд подумав. – Я остаюсь.

Рука Александра Даниловича сжалась в кулак и мгновенно покраснела. Он стукнул ею по поверхности пола со всей силы. Затем он прикрыл веки, нагнулся надо мной и, поцеловав в лоб, спешно вышел из шатра. Снаружи послышался шум копыт лошадей, бьющихся о землю. Он доносился всё дальше и дальше, пока совсем не исчез.

Внезапно мне стало так тоскливо от понимания того, что сама себя обрекаю на несчастную жизнь. Отказав поручику, я лишила себя возможности жить так, как всегда мечтала. В этот момент я четко решила, что должна пойти на жертвы ради благополучия.

Я выбежала из шатра в одной сорочке и побежала за каретой. Он не мог уехать далеко.

Карету я нагнала быстро.

– Я передумала, – задыхаясь, буркнула я, когда карета остановилась, и из неё показался поручик.

Александр Данилович, увидев меня, улыбнулся, а его глаза заблестели от радости. Он протянул мне руку и помог забраться внутрь. Усадив меня на сидение, он тут же снял с себя шинель и укутал меня в неё.

– Ты не пожалеешь, вот увидишь, – твердил Меншиков, обнимая меня так крепко, что мне иногда становилось трудно дышать.

Он целовал мои руки и прикладывал мою ладонь к своей щеке, пытаясь её согреть. Впервые за всю свою жизнь я почувствовала себя счастливой. Как же это приятно, когда тебя действительно любят. Я наслаждалась каждым проявлением нежности Меншикова, забывая обо всём на свете. Мне было очень хорошо рядом с ним. Наконец-то я могла себя чувствовать в полной безопасности.

Февраль 1703 года

Мы поселились в его доме в Семеновской слободе. Здание было огромным и презентабельным. Мне теперь стало понятно, насколько Александр Данилович близок с российским царем, иначе никак более нельзя объяснить наличие в доме обычного поручика столько предметов роскоши. В нем, пожалуй, около десятка комнат, и все они по-своему оригинальны и великолепно украшены. Бросалось в глаза изобилие полотен, на которых гордо красовались полуобнаженные греческие боги. Меншиков каждый день уделял два часа времени на то, чтобы научить меня чему-то новому. История искусств, русская грамматика, танцы – всё это входило в круг занятий.

Я привыкла к новому месту быстро. Две недели спустя я полностью прижилась здесь и сдружилась с прислугой. Когда Меншикова не было дома, дворовые люди не давали мне заскучать, занимая меня то одним, то другим времяпровождением.

В дом был приглашен портной, который сначала полдня снимал с меня мерки, а потом столько же представлял мне обилие тканей, из которых я могу заказать себе наряды. Я выбрала несколько понравившихся оттенков шелка и атласа, чтобы через несколько дней, когда работа по пошиву будет выполнена, я могла менять предметы гардероба хоть каждый день. Платьев на русский манер мне никогда не приходилось видеть, поэтому в первое время их ношения, было не привычно смотреть на себя в зеркало. Они были изрядно пышные, на европейский лад, плотные, но в то же время воздушные. На моих ножках стали красоваться не менее богато отделанные ботиночки на каблуке.

Май 1703 года

Александр Данилович прибегал к различным способам понравиться мне: каждое мое утро начиналось с очередного сюрприза, а вечер обязательно заканчивался изысканным ужином при приглушенном свете свечей. Он был безмерно внимателен ко мне, проявлял учтивость во всём и не переставал осыпать комплиментами. С одной стороны, столько внимания очаровывало меня, с другой, заставляло злиться на саму себя, ведь попытки Александра Даниловича не могли вызвать во мне хоть искру любви. Взаимностью в наших отношениях и не пахло. Сердцу не прикажешь. Неизвестно по какой причине, моя душа не желала впускать его. Он не мой человек. Мы не принадлежим друг другу. Между нами нет той исключительной связи, присущей только истинно влюбленным. Я это чувствовала. И он чувствовал, но отказывался принимать. Конечно, во мне была глубокая привязанность к Меншикову. И нам было хорошо вместе. Мы здорово проводили время, часто веселились, развлекались. Поручик научил меня играм в шахматы, и мы проводили время, играя порой целыми ночами, оба чуть не засыпали, зевали, но шли спать только под утро, когда появлялся победитель. Иногда Меншиков мне поддавался, ведь я играла неважно, то путала фигуры, то делала неверные ходы. Позже я научилась играть не хуже его самого, и наши соревнования становились все более азартными.

– Так совсем скучно играть, – заявил однажды Александр Данилович. – Предлагаю делать ставки.

– Не смей меня, Меншиков, мне нечего ставить, – усмехнулась я.

– Как раз наоборот. Давай так, если ты выигрываешь, просишь у меня все, что захочешь. А если я, ты подаришь мне поцелуй.

Его слова прозвучали весьма неожиданно. Так вот зачем он учил меня играть, это была часть его плана. Все для того, чтобы потом он мог использовать это для своих целей.

– Хорошо, Александр Данилович. Я согласна.

Пора сдаваться. Нет смысла ждать чего-то большего, отвергая такого замечательного человека. Нужно жить сегодняшним днем. Раз уж я живу с мужчиной, который влюблен в меня, стоит с этим смириться. Он дал мне свободу, кров, все, что ни попрошу, он готов тут же исполнить, я о таком и мечтать не могла, а что взамен? Я не могу дать ничего, кроме женской нежности и ласки. Стоит попробовать полюбить того, кто рядом, а не мечтать о ком-то неизвестном. В конце концов, может быть, любви вообще нет. Пастор рассказывал мне, что для женщины главное найти человека, который любит её, а не того, кого любит она. Ведь тот, кто любит её сделает её самой счастливой на свете, а тот, кого любит она сделает ее самой несчастной, заставит её всю жизнь гнаться за иллюзией предполагаемой любви.

Меншиков разложил фигуры. Игра была серьезной, у нас появилась сильная увлеченность, теперь каждый стремился во что бы то ни было выиграть. Поначалу партия складывалась в мою пользу, но в какой-то момент я начала проигрывать, и, в конце концов, Меншиков произнес два слова: «Шах! И мат!».

– Хм, Меншиков, ты лукавил, да? – засмеялась я.

– Ну что ты, игра была честной, ты же сама все видела.

Александр Данилович не стал давить на меня требованием сиюминутно исполнить долг. Вероятно, он намеревался подождать удачного стечения обстоятельств, когда меня саму начнет к нему тянуть. Однако долго ждать не пришлось. Вечером мы как обычно вышли на прогулку. Момент был великолепный, над нами сиял огромный полумесяц, окруженный мелкими яркими звездами, вокруг не было ни души, лишь легкий шум ветра и шелест листьев, свисающих от деревьев.

Меншиков взял все в свои руки, он аккуратно притянул меня к себе, держа за талию, и поцеловал с безумной страстностью и одновременно нежностью, с необыкновенной чувственностью. Его горячие губы впились в меня с такой жадностью, что мне не хватало воздуха, я задыхалась, но это было приятное мучение. Бешеные стуки моего сердца и легкое придыхание возбуждали в поручике неутолимое желание. Его тяжелые руки сжимали мой стан, он касался губами подбородка, потом шеи и плеч, плавно опускаясь все ниже. Он гладил меня за спину, пока не стал медленно распускать веревки, утягивающего мое тело корсета. Ему удалось возбудить во мне небывалое влечение. Мне захотелось раствориться в нем. Я окончательно смирилась с тем, что он моя судьба.

Прикосновения Меншикова сводили меня с ума, тело словно жаждало его рук. Он легко поднял меня на руки и понес в дом. Миновав все двери, он аккуратно уложил меня в постель и продолжил покрывать мою кожу сладкими поцелуями. Я не сопротивлялась ему, сегодня мне хотелось забыться и погрузиться в пламя пылкого вожделения.

V Пётр Романов

Ноябрь, 1703 года

Военные действия на боевой арене идут полным ходом. Служившие мне верой и правдой генералы не разочаровывают. Объединив их блистательные разумения и светлые цели, вот уже третий год нам удастся держать хватку. Плоды в виде новых территорий, попутно присоединяющихся одна за другой к российскому государству, заставляют нас идти все дальше в ратных делах.

В недавнем времени мои приближенные, граф Яков Брюс¹⁸, взявший в свои руки командование огромным артиллерийским войском близ Шлиссельбурга, и фельдмаршал Федор Головин¹⁹, провели чрезвычайно полезную для России осаду шведской крепости Ниеншанц, что дало нам много преимуществ. Именно здесь я решил заложить новую крепость, а вместе с ней и город. Теперь оба мужчин вызваны мною для участия в торжественной церемонии закладки города-порта. Несколько месяцев тому назад я получил от генерала Бориса Шереметева донесение о взятии крепости Мариенбург, что в Ливонии²⁰. Тогда я отправлял Александра Даниловича за пленными, чтобы Шереметев мог двигаться дальше. Меншиков привез сотни ливонцев, которые без промедления были направлены на территории, окружающие Неву, так как рук при строительстве критически не хватало.

Меншикова мне тут не хватало, так уж случилось, что он оказался мне ближе всех. После того, как я узнал о предательстве своей возлюбленной Анны Монс, единственным, кто хоть как-то умудрился вернуть меня к жизни, был мой Алексашка. Я заметил его к себе в дружбу ещё в отроческом возрасте. Будучи активным юнцом, он напросился ко мне в денщики. Взяв его, я ни на минуту не пожалел: парень был не по годам развит, помогал мне справляться со стрельцами во время бунта, устроенного некогда моей сводной сестрой Софьей, позже Меншиков стал моим корабельным подмастерьем. Сколько помню себя, столько знаю и Меншикова. Он всегда был для меня кем-то намного больше, чем просто друг и соратник. Александр Данилович необходим мне во всех делах, начиная от государевых, кончая потешными. Многие при дворе признают его умнейшим человеком в государстве, хотя он так и не получил должного образования. Он крайне дипломатичен и осмотрителен. Положительных качеств у него не счесть, однако дурные поступки зачастую преобладают в его деятельности. Друг мой слишком тщеславен и горделив, безмерно любит роскошь во всем, его дом едва ли не богаче обставлен, чем царский дворец.

Надо бы пожаловать к нему перед очередной поездкой в Ниен²¹ по случаю вышеупомянутой закладки города. Я подозвал своего секретаря и приказал ему дать Меншикову знать о моем скором посещении его дома.

Через два дня я, как и было обещано, приехал в дом Меншикова. Он встретил меня крепкими объятиями ещё во дворе и любезно пригласил в дом. У двери меня встречали все остальные жители меншиковской обители. Их было человек 10, в основном женского пола, а также кучер и дворецкий. Все они, как и полагается, низко поклонились передо мной. Александр Данилович подошел к одной из них и пододвинул на шаг вперед.

¹⁸ Государственный деятель, дипломат, инженер, ученый.

¹⁹ Генерал-фельдмаршал, ведал посольским приказом.

²⁰ Шведская провинция, находилась на территории нынешней Латвии и Эстонии.

²¹ Захваченный русскими шведский город, ныне эта территория включена в Санкт-Петербург.

– Пётр Алексеич, хочу представить тебе прелестную даму, покорившую мое сердце. Марта Самуиловна Скавронская.

Что за чудо! Я лицезрел прекрасно сложенную барышню, не сказать, что красавицу, но что-то манящее, чарующее в ней имелось, что-то, что выделяет её среди прочих женщин. Блеск в глазах, яркие черты лица, полные румяные щеки, слегка приподнятый нос, тонкие рдьяные губы – прелестна во всем. Она едва ощутимо улыбнулась, показались нежные ямочки на уголках уст. Формы её тела были достаточно пышными, но туго натянутый корсет формировал изящную талию.

– Имею счастье познакомиться с Вами, Марта Самуиловна, – отозвался я, не переставая с восхищением рассматривать её.

– И мне очень приятно, Ваше Величество – воскликнула девушка с сильным иностранным акцентом.

– Ну что ж, – бормотал Меншиков. – Пойдёмте за стол. Горячее стынет.

Втроём мы отправились в столовую, а прислуга разошлась по своим делам.

За ужином мы с Александром много говорили, вспоминали былое, обсуждали успехи в Северной войне. Девушка сидела молча, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, но я не мог не замечать её.

Ближе к ночи, мы с другом изрядно опьянели, Меншиков отправил Марту в её комнату, сказав, что нам есть о чем поговорить без посторонних.

– От Монс есть вести? – спросил он меня.

– Приходили мне от неё письма, да не стал я их читать, не хочу больше в эту реку лезть. Я распорядился посадить её под домашний арест. Пусть подумает над своим поведением. Ромодановский²² за ней хорошо следит. Я ему это дело поручил.

– Ох, не стал бы я Ромодановскому доверять, ох, не стал бы. Он наверняка уже и сам прыгнул к ней в постель. Какое же это наказание женщине, когда ты к ней мужчину приставляешь. А с её умением соблазнять, это дело надолго не затянется.

– А и пусть, мне нет дела до этой шлюхи. Пусть поступает, как знает.

– Пётр Алексеич, по ней же видно было, что неверная. Не уж-то ты не замечал этого?

– Не замечал, считал, что любит. Все ей прощал, но измену... не могу. Никогда не прощу измену. Никому. Измена-конец отношениям и всякому доверию.

– Это правильно. А как наш город поживает? Ты уже все спланировал?

– Город начали строить. Всех пленных, которых сюда привозят, в том числе и тех, которые были привезены тобой в недавнем времени, мы направили в Ниен. Работа идет полным ходом. Уже заложена основа для крепости. Это будет самая высокая крепость в мире. Даже в Европе ещё нет ничего выше. Скоро ты сможешь съездить туда со мной.

– А что с названием, Пётр Алексеич?

– Я ещё не думал о названии. Тебе есть что предложить?

– Хм. Тут думать надо. А давай в честь тебя и назовем.

– В честь меня говоришь?

– Ну да. Ты же его основатель, вот пусть и зовется твоим именем.

– Петерград, Петербурх.

– Лично мне Петербурх по душе.

– Звучит неплохо.

– Прекрасно, твое Сиятельство, – обрадовался Меншиков. – Выпьем за это.

Мы в миг осушили бокалы с вином и закусили ломтиками буженины.

– «Санкт-Петербург», на европейский лад. Хорошо, пусть так и будет.

Меншиков кивнул мне в ответ.

²² Государственный деятель, руководил приказом розыскных дел.

– Скажи-ка, друг мой, что за девку ты приволок в свой дом? – поинтересовался я.

– Марта, – воодушевленно произнес имя девушки Александр. – Ливонская сирота. Я заметил её среди пленных. Сразу приглянулась, и я взял её с собой. Вот так она сюда и попала.

– Ты не перестаешь меня удивлять, Данилыч. Что тебя на иностранок потянуло? Русские бабы уже не по нраву? – засмеялся я.

– И они по нраву, Пётр Алексеич, лучше наших женщин нигде нет. Но вот, знаешь, зацепила она меня, смотрю на неё и глаз не оторву.

– Да, симпотшна, не то слово. А какие формы, – восхитился я.

– И интересный собеседник.

– И что у вас с ней все серьезно? Жениться собрался?

Меншиков замялся. Я застал его врасплох. Похоже, он не задумывался над этим никогда.

– Жениться точно нет. Ты знаешь, я не создан для брака. Живем вместе и все. Нас обоих это устраивает. Она же не дворянка, не ставит условий.

Значит все как обычно. Такое часто бывает у моего друга. Такие связи не длятся у него больше года.

– Сашка, мы с тобой с детства все делим поровну, да, – начал я. – Пришли-ка ты эту Марту ко мне сегодня ночью.

Меншиков поперхнулся вином и закашлял. Некоторое время он не отвечал, раздумывая, как ему поступить.

– Ты меня, конечно, прости, государь. Но эта женщина не то, что все остальные. Ею не поделюсь. Она только моя, – в его голосе было заметно негодование.

– Подумай хорошенько. Али ты не хочешь стать генерал-губернатором новой столицы?

Неожиданно даже для себя мне пришла в голову идея прибегнуть к шантажу. Я знаю, что он не посмеет упустить такую должность. Его тщеславие выше всего остального.

– Ты предлагаешь мне такую почетную должность в обмен на ночь с Мартой?

– Предлагаю. Так что, будешь губернатором или нет? Думай, Меншиков. Стоит ли твоя латышка того?

Он замялся. Впервые вижу, чтобы мой друг, стоя перед выбором между женщиной и должностью, сомневался. Что за чертовка, как она смогла его к себе так привязать.

– Почему именно её ты захотел? В Москве любая баба готова в любую минуту стать твоей любовницей, а ты покушаешься на мою женщину.

– Твоя пленница задела меня за живое. Так и манит.

– Прошу тебя, государь, не тронь ты её. Оставь мне.

– Надоест она тебе скоро, и бросишь на произвол.

– Надоест, так надоест. Решу, что с ней делать. А пока мне нужно, чтобы она была подле меня.

– Хочешь отказать мне? – спросил я грозно.

Меншиков испугался. Он знает, что меня до каления лучше не доводить. Вздыхнув, через минуту он тихо сказал:

– Я отправлю её к тебе. Только она не согласится. Эта девушка очень скромная и не ложится в постель ко всем подряд.

– Ну, с тобой-то легла.

– Не сразу. Только убедившись, что мои намерения серьезны.

– Так убеди её, что и мои намерения серьезны, – сказал я, уже приказывающим тоном. – Или заставь, мне все равно.

Меншиков согласился. В продолжение вечера он молчал, но и я не был особо болтлив. Александр заглушал свою злость вином, которого он выпил слишком много. Я не собирался портить отношения с лучшим другом, и это был не тот случай, когда мы могли с ним поссориться. Возможно, им двигала ревность, желание единолично обладать этой молодой женщи-

ной. Он не будет долго сердиться на меня, я это понимал, поэтому не предавал значения его неважному настроению.

Когда я отправился в опочивальню, Меншиков пошел к Марте. Мне пришлось ждать достаточно долго, это ожидание даже стало меня тяготить, я уже собирался было лечь спать, но в дверь комнаты постучали. Появилась Марта. Она держала в руках свечу на поддоне.

– Вы хотели меня видеть, государь, – тихим, мелодичным голосом произнесла девушка.

– Хотел, ещё как, – ответил я немного грубовато.

Это была моя обычная манера общения с женщинами. Я никогда не был с ними деликатен.

Я без церемоний подошел к ней, отложил свечу на стол и, положив руку ей на плечо, стал легонько опускать с неё платье. Девушка стояла молча и неподвижно, она не пыталась сопротивляться, но и энтузиазма не выказывала. В её глазах не было никакой заинтересованности, несколько капель тяжелых слез упали на мою ладонь. Я не собирался её обижать, было заметно, что она пришла не по своей воле, но мое желание обладать этой иностранкой было сильнее, чем все остальное. Меня манило в ней все: одурманивающий запах её тела, нежность губ, закрытость, таинственность.

– Как ты прекрасна, – твердил я, целуя её бархатную кожу.

Марта не сказала ни слова за всю ночь, что мы провели вместе. Она даже не смотрела на меня. Впервые мне повстречалась женщина, которая не желала быть со мной. Эта девчонка видела во мне не любовника, а скорее насильника.

Обнаженная, она была ещё красивее и желаннее. Всю ночь она терпела меня, тогда как я наслаждался каждым поцелуем, каждым прикосновением к ней, каждым её вздохом. Эта ночь была лучшей в моей жизни.

VI Александр Меншиков

Ноябрь, 1703 года

Эта ночь была худшей в моей жизни. Я ненавидел себя, мне хотелось повалиться под землю. Ещё большую ненависть я испытывал к моему лучшему другу. Как он мог приказать мне одолжить мою женщину? Впервые я так радовался тому, что она принадлежит только мне одному, что мне не приходится делить её с другом, я ведь люблю её.

Марта сидела в своей комнате, уткнувшись в окно и наблюдая, как капли дождя соревнуются между собой, бегая по стеклу. Я присел перед ней на колени, взял её руку и приложил её к своему сердцу.

– Слышишь, как бьется? – спросил я её.

– Конечно, слышу, – улыбнулась Марта.

Она такая радостная, счастливая. Боже, как я могу просить её о таком низком.

– Тебе понравился наш государь?

– Он очень грубый и... немного странный, а ещё он очень высокий. Я его боюсь, – ответила она все тем же милым голоском.

Я смотрел на неё полным отчаяния взглядом. Она не могла не заметить моего состояния.

– Что с тобой, Саша?

– Марта, любимая, дело в том, что государь возжелал тебя, – я проговорил это еле-еле, заикаясь и проглатывая слова.

Девушка вытаращила на меня глаза и недоуменно спросила: «Что? Как это понимать? О чем ты говоришь?». Я не знал, как донести до неё эту дикость.

– Государь приказал, я не смею ему отказывать. Ты ему понравилась, и сейчас он ждёт тебя в комнате.

– Это шутка? Господи, скажи скорее, что это шутка. Умоляю! – закричала Марта. Она в панике ходила из стороны в сторону.

– Прости меня! Прости! – просил я её.

Я ходил за ней, пытаясь обнять и успокоить, но она уворачивалась от меня, не в силах остановить свой гнев.

– Да как же так? Ты говорил, что любишь меня. За что ты так со мной? Неужели для тебя я всего лишь вещь, которую можно одолжить другу?

– Нет! Нет! Нет! Мартушка, все не так! Клянусь, я люблю тебя. Но я не в силах отказать государю. Он жесток с теми, кто осмеливается ослушаться указаний.

– Вы же друзья. Что он может тебе сделать?

– Он обещал лишить меня всего. Тогда мы с тобой оба окажемся на улице.

– И ты называешь это дружбой?

– Я не только его друг, но ещё и подданный. Прошу тебя, сходи к нему.

– Ушам своим не верю.

– Если ты откажешься, я пойму и приму свою участь.

Я уже готов был идти к государю и объявить ему о том, что не выполню его приказ. Но Марта окликнула меня.

– Если я этого не сделаю, то ты, я и все твои люди останутся без крова?

– Да, но ничего, я придумаю что-нибудь. Голодать ты не будешь в любом случае.

Девушка молчала целую минуту, потом выплеснула мне в лицо: «Я согласна. Если тебя могут наказать из-за этого, я проведу с ним ночь».

Я упал к её ногам и стал просить прощения и одновременно благодарить, хотя прекрасно понимал, что такое простить невозможно. Я понимал, наши отношения уже не будут прежними, она не сможет смотреть на меня без той глубокой обиды, которую я нанес ей. Я тоже не прошу себя.

Марта взяла свечу и отправилась к Петру Алексеевичу.

Она единственная женщина, которую я полюбил. Ревность жгла меня изнутри. Я заперся в своих покоях и проплакал всю ночь. Мысль о том, что любимая находится в объятиях другого мужчины, не давала мне успокоиться. Что хуже всего, так это то, что я сам способствовал тому, что Марта сейчас с другим мужчиной. Она не простит меня...

Рано утром, ещё до рассвета, государь соизволил ехать дальше по своим делам. После завтрака, я проводил его к тройке.

– Твоя девчонка, и правда, хороша, – сказал он мне, залезая на карету.

Я промолчал. Внутри меня все сжималось. Будь на месте него любой другой человек, я уже убил бы его самым мучительным способом.

Зашедши в комнату, где спала Марта, я обнаружил на столике, рядом с постелью несколько монет в три дуката²³. Их оставил Пётр Алексеевич. Проводя ночи с женщинами, мы с ним всякий раз оплачивали их услуги такой суммой. Для него Марта лишь одна из тех девиц, которые ублажают его в походах. Как он мог так со мной поступить? Ведь я говорил ему, что эта женщина дорога мне.

Я поспешил убрать со стола деньги, чтобы Марта не увидела этого. Бедная девушка не заслужила такого унижения.

После случившегося мы с Мартой заметно отдалились друг от друга. Она злилась на меня и почти не разговаривала. Так продолжалось около месяца. Потом она постаралась проглотить эту историю. Мы снова зажили прекрасно. Я был счастлив с ней, она делала мою жизнь светлой. Мои серые будни в кабинетах дворца, за бесконечным подписываем государственных бумаг и разбором всяких дел, Марта разбавляла радостным времяпровождением в доме по вечерам.

В один из пасмурных дней я, уставший, вернулся в дом и обнаружил Марту, сидящую на полу и рыдающую.

– Что с тобой, дорогая? Что не так? – спрашивал я её.

Она посмотрела мне в глаза и горько произнесла: «Я жду ребенка».

Её слова полоснули меня по телу, как лезвие ножа. Такого поворота событий я не предвидел. Когда ком в горле отступил, я заговорил.

– Это ребенок государя?

– Да, – захлебываясь слезами, сказала шепотом девушка.

– Этого не может быть! – закричал я, ошарашенный известием.

– Что теперь будет? Я не хочу рожать его.

– Может быть, все-таки он от меня?

– Лекарь сказал, что срок примерно месяц.

Это действительно означало, что ребенок государя, ведь до его прихода я довольно долго пролежал в постели с простудой, и между нами с Мартой не было близости.

Господь наказывает меня за мои многочисленные грехи? За что он посылает мне такие страдания? За что он заставляет страдать эту юную девушку? Вынести это было ещё труднее, чем то, что было в тот злополучный вечер, когда у нас ужинал Пётр Алексеевич.

Я обнял Марту со всей силы, мне было так жаль её. Я пожалел о том, что привез её в Москву.

²³ Золотая монета.

VII

Марта Скавронская

Ноябрь 1703 года

В то утро, когда я узнала о своей беременности, меня сильно тошнило. Я была немало обеспокоена своим состоянием. Служанка побежала за лекарем, и уже через полчаса врач осматривал меня. Ему не пришлось долго возиться. Он сразу же улыбчиво произнес: «Вас нужно поздравить, голубушка, Вы в положении». Помню, что после этих слов я плакала взахлеб. Что-то, а вот ребенок сейчас в моем случае очень некстати. Хуже всего, что ребенок был не от Меншикова, а от его друга. Александр Данилович мог бы жениться на мне, будь это его ребенок, но теперь, когда я беременна от царя, даже страшно представить, что со мной сделают. Возможно, меня убьют, ведь никому не нужен незаконнорожденный ребенок первого человека государства.

Когда Александр Данилович узнал о случившемся, его лицо приняло страдальческий вид, от чего я испугалась ещё сильнее. Он переживал не меньше меня. Он не говорил ничего, только крепко сжал меня в объятиях и не отпускал долгое время.

– Что теперь? – не выдержав, спросила я. – Меня убьют?

Александр Данилович весьма удивился такому вопросу.

– Почему тебя должны убить?

– А кому нужен бастард?

Меншиков засмеялся, чем сильно разозлил меня. Я места себе не нахожу, а ему смешно. Как можно быть таким циничным?

– Глупенькая, ты моя, – произнес он, продолжая смеяться. – Скажешь то же. Не волнуйся, с тобой никто ничего плохого не сделает.

– О чем это ты, Меншиков?

– Пётр Алексеевич очень любит детей, у него есть сын. – Меншиков снова усмехнулся.

– Но ведь он законный, – противилась я.

– Ну и что с того. У государя много женщин. Вполне нормально, что они будут рожать от него детей.

– Много женщин?

– Не удивляйся этому. Пётр Алексеевич любвеобилен. Дамам он нравится, – он снова засмеялся.

– И он всех их любит?

– Конечно, нет. Он мало кого любил в жизни. А сейчас так вовсе разочаровался в любви. Я думаю, он больше никого никогда не сможет полюбить.

– Почему? – не унималась я.

Мне было интересно слушать о жизни русского царя, ведь я совсем не знакома с такой жизнью. Все, что мне рассказывает Меншиков, я слушаю с открытым от удивления ртом. Я всегда считала, что короли должны вести благой образ жизни, должны быть очень религиозны и не нарушать никаких правил. Александр Данилович открывал для меня другой мир, мир людей другой нации, другой ментальности, другого сословия.

– Я расскажу тебе о нем подробнее, раз уж на то пошло. Странно, что я до этого тебе ничего не говорил о нем. Я знаю, ты ненавидишь Петра Алексеевича за все, что он тебе сделал, – начал Меншиков, указывая на мой живот. – Но на самом деле он хороший человек. Признаться честно, я и сам не всегда его понимаю и поддерживаю, тем не менее, не воспринимай его как злого дикаря, который причинил тебе боль. Вот увидишь, узнав о твоей беременности, он окружит тебя заботой. Ты взглянешь на него с другой стороны. Мать заставила его

жениться, едва ему исполнилось семнадцать. Невесту, конечно, выбирала она сама. Это был политический брак. О любви между супругами не было и речи. Её звали Евдокия. Сначала все было хорошо. Она родила государю троих сыновей, правда двое из них умерли вскоре после рождения. А старший, Алексей, сейчас тринадцати лет от роду живет теперь в доме своей тетки, сестры царя, Натальи Алексеевны.

– Как государь относится к своему сыну?

Почему-то мне захотелось узнать ответ на этот вопрос. Уж очень меня смутил тот факт, что царь не поселил своего сына подле себя, а отправил его жить к своей сестре.

– Пётр привязан к нему, – замялся Меншиков. – Однако сын его уж очень упрям, поэтому между ними часто возникают трения. Евдокия Федоровна воспитывала сына по-своему, она не поддерживала мужа, не мирилась с его образом жизни, вот и Алексея вырастила похожим на себя. Ох, чувствую, Петру Алексеичу тяжело придется уживаться с наследником.

– А что стало с супругой Его Высочества?

– Несколько лет назад сводная сестра государя, Софья Алексеевна, подняла против него мятеж. С этим он справился. Но.. потом узнал, что его жена была в сговоре с Софьей и не смог ее простить. Евдокию Федоровну сослали в монастырь.

– Как это ужасно, Александр Данилович. Государь столь жесток, что осмелился сослать мать своего ребенка? – возмутилась я.

– Наоборот, Пётр Алексеевич великодушен. За измену царю полагается наказание в виде казни, а ей он даровал жизнь. К тому же в монастырь он её отправил один из лучших, там её жизнь не на много изменилась. Бывшая царица ни в чем себе не отказывает. Так что, как я уже говорил, не стоит плохо думать о нашем государе.

– Пока что у меня нет оснований думать о нем хорошо. Ваш царь мне противен, – выплеснула я озлобленным голосом.

– Уверен, ты поменяешь о нем своё мнение. Скорее всего, он отправит и тебя к своей сестре в Преображенское.

– В Преображенское? Почему я должна переехать?

– Петру Алексеевичу будет спокойнее, если ты будешь находиться под присмотром Натальи Алексеевны. В её доме много народу. Там за тобой присмотрят.

– То есть я буду жить с совершенно незнакомыми людьми?

Мне стало больно от слов Меншикова.

– Ты привыкнешь к ним. Они тебе понравятся. К тебе приставят служанок. Ты будешь не одна, – уточнил он. – И всем будет спокойно.

– Ты смеёшься надо мной, Меншиков? – он снова заставил меня заплакать. – Ты хочешь сказать, что я вновь окажусь брошенной и никому не нужной?

– Нет, нет, Марта, ты не будешь брошена. Ты всего лишь переедешь в другой дом, где о тебе позаботятся, – убеждал меня Александр Данилович.

– Ах, как я могла так обмануться?

Я не могла успокоиться, меня бросало в дрожь от одной только мысли, что со мной все это происходит.

– Я выполнила твою просьбу и провела ночь с государем, а ты теперь отказываешься от меня, хочешь оставить одну. Я никого здесь не знаю, кроме тебя, как я смогу жить с кем-то в чужом доме, да ещё и с ребенком на руках. Ты обманул меня!

– Марта, ты преувеличиваешь, – Меншиков вдруг стал каким-то отстраненным, его глаза наполнились суровостью. – С тобой все будет хорошо. Ты привыкнешь.

Я упала к его ногам и стала умолять не сообщать государю о том, что в скором времени я должна родить от него ребенка.

– Прошу тебя... Прими это дите как свое... Пожалуйста, Александр Данилович... Я не хочу переезжать, я только начала привыкать в этом дому...

Мужчина не дал мне договорить, он вскочил со своего места и отошел в сторону. Уткнувшись в окно, он монотонно начал: «Я не могу скрывать от государя его ребенка. Я обязан предупредить его. Если он узнает, то мне не снести головы. Сегодня же я изложу все в письме. Дальше он скажет мне, как поступить. А пока мы перенесем твои вещи из моей спальни обратно в твою. Ты не можешь теперь ночевать у меня. И ещё, Марта, все, что было между нами должно оставаться в строжайшем секрете. Я не хочу, чтобы люди стали болтать о том, что женщина царя была со мной». Завершив свою устрашающую речь, он подошел ко мне, поднял с пола и посадил на кресло. Я не могла вымолвить ни слова после того, что услышала от Меншикова, который вмиг стал для меня таким чужим. В голове не укладывались слова, произнесенные от мужчины, некогда ставшего родным и близким, но в одну минуту превратившимся точно в незнакомца.

Через несколько недель мы получили от государя ответ на письмо Меншикова. Пётр Алексеевич писал, что весьма рад сложившимся обстоятельствам и по приезду он, как и рассказывал Меншиков, отправит меня к сестре, а до тех пор я буду жить здесь, с Александром Даниловичем.

– Расскажи мне о его сестре, – спросила я, когда окончательно смирилась с неизбежностью переезда.

Что случилось – то случилось. Теперь хотя бы нужно лучше узнать человека, который меня приютит.

– Она замечательная женщина, очень добрая, милая, заботливая. Вы подружитесь. Она похожа на своего брата как две капли воды.

– В таком случае, мы не подружимся, – поникла я.

– Поживем – увидим, – отрезал Меншиков.

Мое самочувствие время от времени становилось неблагоприятным, часто к горлу подступала тошнота, иногда кружилась голова, так что я большую часть времени проводила в постели с дежурящим возле меня лекарем. Александр Данилович заходил проводить меня крайне редко, служанки говорили, что он периодически не ночует в доме.

Государь почтил нас своим приездом через восемь недель. После того, как они с Меншиковым отобедали, он зашел ко мне.

– Марта, вот и ты, – начал он, как только увидел меня. – Как здоровье? Саша хорошо о тебе заботится?

– Более чем, – ответила я. – Благодарю.

– Завтра я отвезу тебя в Преображенское село. Там ты будешь жить под присмотром моей дорогой сестры.

– Александр Данилович оповестил меня об этом.

Царь не изволил долго со мной общаться. После того, как мы перекинулись парочкой общих фраз, он покинул мою комнату.

Вечером служанка сказала мне, что государь велел позвать меня отужинать с ними. Несмотря на не очень хорошее настроение, я все же приняла приглашение и спустилась к столу.

Меншиков помог мне усесться. Мужчины вели разговоры в основном о войне и государственной политике. Время от времени они обращались и ко мне для того, чтобы я не чувствовала себя одиноко. Хотя, думаю, Петра Алексеевича в последнюю очередь беспокоило мое удобство.

Рано утром мы отправились в путь, а приехали только к вечеру, потому что мой живот болел от резких движений, и нам пришлось ехать крайне медленно.

Преображенское село оказалось довольно приятным местом: здесь очень спокойно, прекрасная природа, рядом течет река. Село не большое. Всего около двадцати пяти десятин²⁴. Когда мы с государем приехали в Преображенское село, передо мной предстала весьма приятная пухленькая женщина. Мои опасения относительно неё оказались беспочвенными, она была не так уж и похожа на своего грубого брата, напротив, в её характере было столько мягкости и ласковости, что я оказалась окружена заботой и вниманием. Женщина приняла нас очень приветливо. Похоже, что у царя с сестрой очень теплые отношения, потому что, увидев Наталью Алексеевну, он подбежал к ней, нежно обнял и стал покрывать её румяные щеки поцелуями. Меня эта сцена удивила, я и подумать не могла, что этот дикарь может быть таким радушным. Царевна смеялась и гладила брата по макушке. Меншиков говорил, что ей тридцать лет, однако на вид она выглядит значительно моложе. У неё широкий лоб, густые темные брови, черные глаза, а лицо очень бледное, что создает некоторую дисгармонию черт лица. В целом женщина очень неплоха собой.

– Вот, привез к тебе будущую мать моего ребенка, – объявил государь Наталье Алексеевне, подводя меня к ней.

– Наконец-то, я давно жду тебя, Марта. Пожалуйста, будь здесь как дома. Надеюсь, мы сумеем подружиться, – женщина была очень любезна и после этих слов пригласила нас пройти в дом.

У входа в дом нас встречали пять молодых женщин и прелестный кареглазый мальчишка, сын государя. Царица стала знакомить меня с ними по очереди.

– Анисья Кирилловна Толстая, – сказала она, указывая на одну из встречающих дам.

– Очень приятно, – ответила я, пожимая руку Анисье Кирилловне.

– А этих особ ты, Марта, вероятно, знаешь, – усмехнулась Наталья Алексеевна. – Мария и Анна Меншиковы – сестры вашего друга, Александра Меншикова.

Меня смутила колкость царевны. Выходит, все здесь в курсе того, что я жила у Меншикова.

Девушки поочередно пожали мне руку.

– А эти юные девушки – Дарья и Варвара Арсеньевы. Все мы живем в этом доме давно вместе и дружно, и надеемся, что и ты станешь частью нашей кампании. Твои покои находятся на втором этаже, рядом со спальней Дарьи Михайловны.

Женщины мне очень понравились. Правда для меня было большой загадкой, зачем они живут вместе и что их связывает. Впрочем, у меня ещё будет время все разузнать и привыкнуть к здешним порядкам.

Моя комната оказалась благородно обустроенной. Высокие потолки, величественные окна, выходящие прямо на фонтан в центре сада, дорогое убранство и целый шкаф восхитительной одежды и различных форм корсетов. Я быстро привыкла к хорошей жизни. Теперь я даже не представляю, какой была бы моя жизнь, если бы мне пришлось вернуться в Мариенбург, в дом пастора или ещё хуже – в дом Иоганна. Я не смогла бы уже освоиться там после всего того, что стало мне доступным в России, среди знатных людей.

После того, как все мы друг с другом перезнакомились и пообедали, государь предложил мне прогуляться с ним в парке.

– Сегодня прекрасная погода, да? – начал он.

– Согласна, погода что надо.

– Марта, мне кажется, ты боишься меня, – продолжил государь, чуть помедлив. – Мне...

– Вовсе нет, – перебила я его.

²⁴ Единица земельной площади (ок. 1,9 гектара).

– Я ведь не слеп, вижу, что ты напугана и, скорее всего, даже испытываешь ненависть ко мне.

– Ваше Величество, признаюсь, я нахожусь в неясном положении. Видите ли, только я начала жить с поручиком, как вдруг появились Вы. И вот спустя время после нашей встречи, я вынуждена переехать в другой дом. Будем честны, я не хотела проводить с вами ночь. Очень неблагодарным с Вашей стороны было шантажировать друга тем, что лишите его вашего расположения, если он не одолжит вам меня.

– Господи, Марта, неужели в твоих глазах я такое ничтожество? Я не шантажировал Меншикова. Я лишь грозно попросил его.

– Но он умолял меня согласиться, говорил, что от моего ответа зависит его жизнь и репутация.

Я поймала себя на мысли, что почти кричу на царя, меня одолевает чувство возмущения.

– Да, Меншиков всегда боится моей суровости, но откажи он мне настоятельно, я бы успокоился и не стал настаивать, – государь был спокоен, в то время как я все больше выходила из себя от злости.

– Хотите сказать, что всего этого могло не быть? Меншиков не был бы наказан за отказ?

– Нет, конечно. Да, я был изрядно пьян, и, возможно, мой тон показался ему слишком суровым. Не помню точно, что тогда было. Но, поверь, я не стал бы предпринимать мер, если бы Меншиков отказался.

– Боже мой.

– Не плачь, Марта. Уверяю, здесь тебе будет намного лучше, чем у него.

– Прошу простить меня, Ваше Высочество, – всхлипнула я заплаканным голосом. – Я хочу побыть наедине с собой, – с этими словами я помчалась, что есть сил вглубь парка.

Пётр Алексеевич быстро догнал меня и схватил за руку, а когда я стала пытаться высвободить свою руку из его крепкой ладони, он поднял меня на руки и просто пошел дальше, не обращая внимания на мои брыкания. Дождавшись пока я пойму, что мои телодвижения не принесут положительного результата, он остановился и продолжил наш разговор.

– Не обижайся на него. Он правильно делает, что боится меня, ведь я бываю жесток со своими подданными.

– Он же Ваш друг.

– Да, но он остается моим подданным. За отказ предоставить мне тебя он не оказался бы в немилости, но за отказ выполнить другое поручение, он был бы немедленно осужден.

Меня передернуло от его слов, а его моя реакция развеселила.

– Ты можешь быть спокойна, я никогда не казню мать моего ребенка. Я должен был бы отправить мать Алексея на эшафот, но сослал её в монастырь. Я надеюсь, Марта, ты будешь благоразумной и тогда проживешь жизнь в достатке и не обделенная вниманием.

Я кивнула в ответ. Он опустил меня на землю, и мы отправились обратно.

– Долго Вы здесь собираетесь пробыть, Ваше Высочество?

– Неделю. Потом поеду на поле боя.

– Зачем Вам нужна была эта война? Чего Вы хотите добиться?

– Я хочу вернуть некогда утраченные Новгородские земли, а также получить выход к морю. А ещё Швеция, Англия и Польша давно вынашивают план колонизации России. Они считают, что мы слабы. Со стороны Востока у нас тоже много врагов. Османский визирь делает попытки спровоцировать крымских татар выступить против России.

– Насколько я знаю, император Карл сильный противник и просто так он не сдастся.

– Все верно. Карл, хоть и молод, все же хороший дипломат. И армия его очень мощна. Но мы постараемся доказать, что с русскими им не сравниться. Сейчас мы плохо готовы к войне, поэтому наша главная задача – задержать шведскую армию в Польше. Это даст нам достаточно времени для подготовки.

– Все ясно, спасибо, что уточнили.

– Тебе и правда интересно обсуждать войну? – засмеялся Пётр Алексеевич. – Я думал, женщин мало волнует политика.

– Я не разбираюсь во всех этих делах, но хочу понимать хотя бы главное. По крайней мере, если бы не эта война, я бы не оказалась здесь.

– Жалеешь о том, что приехала в Россию?

– Не знаю. Пока что одни разочарования.

– Разочарования? Родить ребенка от царя – это лучшее, что может случиться с женщиной.

– Я никогда не стремилась добиться успеха столь сомнительным путем. Я ценю искренние чувства, а уж царь он или бедняк – совершенно не важно.

– Впервые вижу женщину, которая не гордится тем, что была со мной.

– Гордиться тут нечем.

– Ты бы предпочла остаться в Ливонии?

– Нисколько. Но там моя жизнь была стабильна, а здесь нет, я не знаю, что меня ждет завтра. Вынуждена жить в постоянном страхе. К тому же, здесь я совсем одна, мне не на кого положиться. Я бесконечно доверяла Меншикову, но обманулась в нем.

– Ты можешь доверять мне и всем, кто живет в этом доме.

После этого разговора и в последующие дни пребывания подле государя я открывала для себя этого человека с новой стороны, и он нравился мне все больше. Я не переставала удивляться тому, как его грубый голос и жуткие манеры могут нравиться. Тем не менее, за это короткое время до его отъезда мы часто оставались наедине и подолгу разговаривали на всевозможные темы. Беседы с царем выматывали меня, я узнавала много нового.

Когда пришло время прощаться, Наталья Алексеевна заплакала, все остальные тоже ходили с поникшими лицами, а царевич Алексей не слезал с шеи отца и просил его задержаться ещё. Погода была ветреная, но Пётр Алексеевич приказал седлать коня, он наотрез отказывался ехать в карете. Со мной он простился в первую очередь.

– Марта, прошу тебя, береги себя и наше дитя, – сказал он и поцеловал меня в лоб.

Я ему поклонилась.

Затем он обошел всех дам, почтительно поцеловав каждой руку. Сестру и сына государь обнял.

Он ускакал быстро. Через несколько секунд от него на горизонте не осталось даже тени. На душе стало как-то грустно. Наталья Алексеевна тогда спросила меня: «Скажи милая, ты любишь моего брата?». Вопрос застал меня врасплох. Он заставил меня задуматься.

– Спроси Вы меня об этом неделю назад, я без промедления с полной уверенностью ответила бы, что нет. Теперь же я не знаю, что сказать.

Женщина улыбнулась. Она взяла меня за руку и повела в дом.

– Я думаю, что спустя ещё неделю ты сможешь ответить сама себе на этот вопрос, и тебе не нужно будет даже ничего говорить. Скучающие глаза все скажут сами.

В её словах таилась мудрость. А ведь она права. Я поймала себя на мысли, что не хотела расставаться с Петром, и я уверена, что очень скоро стану скучать по нему. От этой мысли стало печально на душе.

VIII

Пётр Романов

Декабрь 1703 года

Не пойму, что меня привлекает в ней? При нашей первой встрече она показалась мне жалкой деревенщиной, подстилкой друга. Даже сам Меншиков стеснялся её, когда представлял мне. А теперь мне нравится проводить с ней время. Её голос как-то магически действует на меня. Услышав её, мне хочется забыть обо всём. Давно я не испытывал подобных чувств, особенно после того, как прекратились мои отношения с Анной Монс.

Завтра я должен уехать.

Я лежал на кровати, размышляя о жизни, когда рядом со мной оказались Анисья Кирилловна и Алексей. Сын лег рядом со мной и подложил мою руку под свою голову.

– Я скучаю по матушке, – вздохнул мальчик.

– Я знаю, Алешка. Да вот сделать ничего не могу. Твоя мать предала нас.

– Не правда! – голос сына выражал отчаяние и злобу. – Ты можешь её вернуть, просто не хочешь, – он стал кричать.

Никогда прежде я не слышал, чтобы мой сын повышал на меня голос. Конечно, я не могу осуждать его за это. В конце концов, ребенок лишился близкого человека.

– Алешка, пойми же ты. Она совершила страшнейшее преступление – пошла против меня, против тебя, против государства. Не могу я её помиловать, даже ради тебя.

– Тогда позволь мне навестить её. Я только съезжу к ней на несколько дней и вернусь.

– Исключено! Этого не будет. Твоя мать наказана.

– Но ты наказываешь и меня тоже. В чем я провинился перед тобой? – из глаз мальчика потекли горькие слезы.

– Послушай, скоро у тебя появится маленький брат или сестра. Вы будете проводить много времени вместе, играть, научишь его всему, что знаешь.

– Не хочу. Ребенок крестьянки мне никто. Я не приму его как родного.

Алексей очень огорчен и теперь изо всех сил пытается задеть меня. Я знаю, ему не хватает моего внимания. Но что я могу ему дать? Сейчас я занят войной и государственными делами, сына могу видеть только изредка. Благо, моя любимая сестра взялась заменить ему обоих родителей.

– Как ты разговариваешь с отцом? Тебе что плетей дать?

Я хоть и старался быть с ним помягче, этого не удавалось. Последняя фраза прозвучала слишком грозно. Обиженный, мальчик убежал.

– Пётр Алексеич, не сердись на него. Он скучает, поэтому так себя ведет. Ты же редко приезжаешь, а когда приезжаешь и то проводишь с ним не так много времени, – начала Анисья.

Она присела на колени рядом со мной и погладила мое лицо своей прохладной ручкой.

– Ты давно не заходил в мои покои, – вздохнула она. – Я тебе разонравилась?

– Анисья, Анисья, как ты можешь разонравиться, я не захожу к тебе, потому что боюсь быть окутанным твоими чарами, – подбадривал я её.

– Заходи сегодня ночью ко мне. Я буду ждать, – прошептала девушка мне на ухо.

Что ж, хотя этой ночью я планировал хорошенько выспаться перед отъездом, но все же от женской ласки я оказаться не в силах. Бог знает, сколько времени придется провести на боевом поле. Когда ещё я смогу насладиться плотскими утехами. Анисья, конечно, давно не привлекает меня. Раньше она способна была обольстить мужчину, но время идет, и её красота ушла вместе с годами, а некогда миленькое личико покрылось морщинами и осунулось.

– У меня к тебе есть просьба, – начал я ненавязчиво утром, вставая с её постели и набрасывая на себя рубаху.

– Для тебя я выполню все, что хочешь, – промурлыкала Анисья.

Она лежала обнаженная на белой простыне и проводила рукой по моей подушке.

– Пригляди за Мартой. Она совершенно не приспособлена к жизни. Ты знаешь, она крестьянка, поэтому ничего не знает о нашем образе жизни. Пиши мне каждые три дня и докладывай обо всем, что с ней связано.

– Эта латышка задела тебя за живое... Ты увлечен ею, – обидчиво брякнула Анисья.

– Ты не права, она мне безразлична. Мне её просто жаль.

– Тогда зачем тебе нужно, чтобы я все докладывала о ней?

– Так ты не собираешься исполнять мою просьбу? – я спросил более жестко.

– Исполню. Прости меня. Если ты просишь, значит так надо, – она подошла ко мне и поцеловала в плечо.

После завтрака, попрощавшись со всеми, я отправился в путь.

Январь 1704 года

Прибыв на то место, где всего пару дней назад состоялась довольно серьезная битва, я внимательно изучил данные о потерях с нашей стороны и со стороны шведов. Доклад о судьбе битвы был подготовлен Федором Алексеевичем Головиным.

– Ваше Величество, наши силы на исходе. Нужно подкрепление. Бойня была кровавой, но мы её успешно отстояли, однако армия устала, у нас кончаются и оружие, и запасы продовольствия. Совсем скоро лошадей будет нечем кормить.

– Сюда скоро пришлют ещё войска. Федор, будь готов, в ближайшее время состоится ещё одно сражение близ Невы. Мы должны его выиграть любой ценой. Там находится важный для нас стратегический объект.

– Есть, государь. Сделаем все необходимое. Можете быть уверены, мы не сдадимся.

– Что известно о Голицине²⁵? Он все ещё находится заключенным в Константинополе?

– Да, Дмитрий Михалыч все ещё в крепости под строжайшим надзором. Наши дипломаты работают над его освобождением, пока все тщетно.

Я глубоко вздохнул. Несколько важных русских персон оказались обвинены в разного рода преступлениях за границы. Эти люди нужны нам здесь. Помимо Голицина в холодных стенах крепостей находится ещё Иван Иванович Бутурлин²⁶.

– Значит плохо работают наши дипломаты раз не могут решить вопрос. Ладно... Давно я не интересовался твоими сыновьями, давно их не видал. Выросли поди уже?

– Старший в недавнем времени женился на дочери Шереметева, а младший пока учится, планирует стать инженером. А твой Алексей ещё не просится с тобой на стычки?

– Не просится. Этот мальчуган вовсе не любит воевать, не в меня пошел. Хулиганить любит. Спорить. Не знаю, выйдет ли из него хороший правитель.

– Да брось, Пётр Алексеич, он ещё слишком мал, ничего пока не понимает. Подожди, вот вырастит, сам не заметишь, как станет достойным отца государем.

– Надеюсь.

Дел здесь очень много, почти две недели армия занималась восстановлением поврежденного лагеря. Я с головой отдался любимому делу. День и ночь я нахожусь в своем шатре, продумывая план предстоящей брани. Генералам уже отправлены извещения о необходимости

²⁵ Государственный деятель, с 1701 года был послом в Константинополе.

²⁶ Генерал, после битвы у Нарвы попал в плен к шведам.

срочно двигаться на Неву. Битва окончательно создаст нам условия для завладения этой территорией, и тогда застройка продолжится с ещё большим размахом.

Я получаю много писем. Пишут в основном сестра, Ани́сья и Меншиков. Последний стал писать реже и теперь формулирует свои мысли в весьма формальном контексте. Он все ещё не может забыть то, что я провёл ночь с Мартой.

Ани́сья в подробностях расписывала состояние здоровья Марты и до мелочей описывала, чем она занимается. Время от времени между строк её писем проскальзывали фразы о том, что латышка ходит поникшей, без настроения, часто заговаривает про меня и всячески интересуется моей жизнью. Все указывает на то, что девушка заинтересована мной. Что ж, это неплохо, в конце концов, должна же мать моего ребенка испытывать ко мне несколько иные чувства, нежели ненависть. Она хотя бы перестала воспринимать меня с отвращением. Непонятным для меня было только то, что я думаю о ней, часто воспроизвожу её образ в голове. И опять же это хорошо, ведь до встречи с ней мое сознание было поглощено Анной Монс, а теперь она совсем не трогает меня.

IX

Марта Скавронская

Июль 1704 года

Схватки начались неожиданно – раньше положенного срока. Все случилось, когда мы прогуливались в саду с Натальей Алексеевной. У меня вдруг закружилась голова, и я почувствовала боль в животе.

– Анисья, Анисья, – закричала царевна. – Зови скорее повитуху, кажись началось!

Все вокруг тут же забегали. Ко мне подбежали несколько служанок и, подхватив за руку, повели в дом. Подол моей юбки весь намок. Рядом шла Наталья Алексеевна и подбадривала. Она видела, что я не на шутку напугана. Меня всю трясло от страха.

– Как больно! – произнесла я, стиснув зубы.

– Терпи, дорогая, терпи. Скоро все закончится, – твердила царевна, поглаживая меня по голове.

Служанки помогли мне улечься. Повитуха уже ждала меня в комнате. Она раскладывала на столе какие-то инструменты – железные, острые, от одного вида которых мне становилось не по себе. Я стала биться в истерику.

– Успокойся, это на случай, если что-то пойдет не так, – говорила Анисья.

– Больно, – плакала я.

– Тужься, сильнее тужься, – командовала старушка-повитуха.

– Не могу. Не получается. У меня нет сил.

Силы действительно иссякали, с каждой секундой я становилась все слабее, а ребенок не показывался.

– Давай, дорогая, давай, – говорила Наталья Алексеевна. – Ещё чуть-чуть.

Я промучилась в родах около часа. Наконец, послышался плач младенца. Старуха схватила его за ноги и подняла, демонстрируя всем присутствующим, что родился мальчик.

Моей радости не было предела. Я плакала, но в то же время проваливалась в сон от усталости.

– Дайте, дайте мне его. Я хочу подержать моего ребенка, – просила я, еле слышным голосом.

Повитуха ополоснула дитя водой из кувшина и положила рядом со мной. Господи, как он похож на своего отца. Я дотронулась до его головки. Такая мягкая шелковистая кожа, тоненькие жидкие волосы, слабые пальчики, которыми он ухватился за мой палец, будто чувствуя себя в безопасности здесь, на груди у матери. Как можно быть таким крохотным и беззащитным? Никто из присутствующих не осмеливался взять его, все боялись навредить малышу.

– Пусть мать покормит его, – сказала старуха. – В комнате слишком много людей. Нехорошо для ребенка. Ещё сглазят, – проворчала она, глядя на хозяйку дома.

– Правильно, выйдите все, – приказала царевна.

Я поднесла ребенка к груди. Он пил молоко очень жадно.

– Какой красавец, брат будет рад узнать о том, что у него родился сын. Ты счастлива, Марта? – спросила Наталья Алексеевна.

– Очень счастлива. Я и подумать не могла, что дитя можно так любить. Я готова за него жизнь отдать.

Я держала его нежно, но в то же время крепко, готовая в любой момент защитить его от любой беды.

– Так и должно быть. Говорят, когда ребенок рождается, у женщины появляется смысл жить. Жаль, я не смогла познать радости материнства. И замуж не вышла. Эх.

– У вас ещё будут дети, Наталья Алексеевна, вы ведь так молоды и красивы.

– Да нет уж, я стара для замужества. Да и привыкла я находиться в женском обществе, не могу даже представить себя, живущей с мужчиной. У меня вон Алешенька есть, я его с рождения практически воспитываю. Он мне как сын родной. Люблю его очень, – улыбнулась она. – Ну ладно, ты корми свое дитя, а я пойду брату напишу. Пусть приедет скорее повидаться.

В тот же день вечером в Преображенское приехал Александр Данилович. Он тихо зашел в комнату и положил рядом со мной охапку цветов. Комнату тут же овеяло ароматами гортензии.

– Как ты, Мартушка? – поинтересовался он, поцеловав мою руку.

– Хорошо, как видишь. Мне пока нужно лежать.

– Маша сказала, что роды были тяжелые.

– Было немного мучительно, но все прошло нормально. Главное, ребенок родился здоровым.

Он подошел к кроватке младенца и, смеясь, произнес: «Какой крупный. Неудивительно, что тебе было сложно его родить». Он внимательно присматривался к нему в надежде разглядеть собственные черты в ребенке, он не верил, что это ребенок государя, но глаза не дали ему обмануться, малыш необыкновенно похож на Петра Алексеевича: у него те же черные глаза, широкий подбородок и вьющиеся мягкие волосы.

– И, правда, похож, – сдался он.

– Очень. Надеюсь, мне удастся воспитать его не таким жестким как отец.

– Это будет не просто. Наталья Кирилловна тоже хотела видеть сына угодным ей, но прогадала – государь никогда не слушался свою мать, за исключением одного раза – женитьбы на Евдокии. Как видишь, и матери не всегда бывают правы.

– Ты видел государя? – не выдержав спросила я.

– Видел. Мы вместе сражались, захватили ещё больше территорий. Сейчас он находится в Ниене. Следит за тем, чтобы новая крепость была заложена правильно. Он ждет приезда итальянского архитектора, чтобы вместе с ним спланировать город.

– Как скоро он сам приедет к нам?

– Думаю, как только закончит дела.

Меншиков недолго пробыл в Преображенском. Пожелав мне удачи и скорейшего выздоровления, он сел в карету и отправился в Москву.

О нас с новорожденным ребенком в доме очень заботились, особенно Наталья Алексеевна, она почти все свое время проводила у детской кроватки, помогала пеленать и кормить кроху. Алексей Петрович, похоже, был не рад рождению брата, он навещал его изредка, да и то смотрел на малыша с пренебрежением. Я понимаю его чувства, это ревность запылала в его сердце. Я попыталась наладить с ним отношения. В очередной раз, когда он по настоянию тетки зашел из вежливости побыть с братом, я осторожно начала с ним разговор.

– Алексей, ну как тебе твой брат? Посмотри, какой он милый. Ты ему нравишься, только погляди, как он тебе улыбается.

– Ребенок как ребенок. Они все в таком возрасте милые, – юноша не желал идти на контакт.

– Ты не рад тому, что он появился?

– Чему радоваться? Теперь все внимание уделяется только ему. А обо мне все забыли. Даже тетя теперь все время с ним.

– Это временно. Пока ещё он совсем мал, и я пока не могу вставать с постели. А через несколько дней все вернется на свои места.

– Обещаете?

– Конечно. Все так и будет, вот увидишь. К тому же, скоро приедет твой отец.

– Ну и что. Он не тратит на меня свое время. Зато на женщин времени у него всегда полно.

Мальчик застал меня врасплох.

– Ты имеешь в виду меня? Думаешь, я отняла у тебя отца?

Сейчас я расскажу ему, что его отец не тратит на меня много времени, что я не причина его проблем с государем.

– Не вас. Я говорю об Анисье Кирилловне, Варваре Михайловне и Анне Даниловне.

– Что ты такое говоришь? Они все..., – не успела я договорить, как мальчик прервал меня.

– Все они его любовницы.

Я не могла очнуться от его слов. Юноша задел меня за живое. Казалось, он ничего не видит, наивный мальчик. На самом же деле он все замечает, и его это сильно ранит. Теперь ясно, почему эти женщины живут здесь. Пётр Алексеевич всех своих женщин привозит в имение своей сестры. Как я раньше об этом не догадалась. Боже, какой стыд и разочарование. Мне уже начало было представляться, что я нравлюсь ему. Теперь все ясно, я лишь одна из наложниц. Это все объясняет. У него словно коллекция, он собирает нас всех в одном месте как экспонаты.

– Прости меня, мальчик, – прошептала я и обняла его крепко-крепко.

– За что, Марта Самуиловна?

– За то, что я считала тебя капризным ребенком, пытающимся привлечь к себе слишком много внимания. Знаешь, я ведь тоже его любовница.

– Вы отличаетесь от остальных. Их он целует, зовет к себе или сам идет к ним, а с вами не так. Я ни разу не видел вас вместе.

– Но я родила от него ребенка.

– Когда Вы сюда только приехали, я думал Вы такая же, как они. Но теперь мое отношение поменялось. Вы такая же забытая и не нужная ему, как и я. Те дамы двуличны, они общаются со мной только, чтобы нравится моему отцу.

Я находилась в негодовании, из глаз рекой полились слезы, и мне вдруг стало жаль этого мальчика больше, чем себя. Я эгоистка. Хотела привязать к себе государя, в то время как даже его родной сын не может этого сделать.

Сентябрь 1704 года

Государь приехал раньше, чем мы все ожидали. Он был очень рад встрече с маленьким сыном.

– Я волновался. С тобой все хорошо? – начал он.

– Более чем.

– Ему уже два месяца, пора бы имя дать.

– Какое имя Вы хотите дать сыну?

– Выбери ты. Я на любое соглашусь.

– Хмм, тогда назовем сына в честь великого отца. Петром.

Государь засмеялся.

– Раз на то твоя воля, значит, так тому и быть. Завтра утром придет священник.

Он взял на руки ребенка. Грубый царь разом переменялся. Я увидела в нем нечто детское, ласковое и спокойное. Он держал малыша, словно бесценный хрусталь, боясь уронить его. С непередаваемой любовью он смотрел на ребенка. Они улыбались друг другу. В этот самый момент я почувствовала себя абсолютно счастливой. И пусть государь не любит меня, и я никогда не стану для него кем-то важным, мне достаточно того, что он будет обожать нашего ребенка.

Вечером нам с Петром Алексеевичем довелось остаться одним в гостинной.

– Тебе здесь нравится, Марта? – спросил он.

– Очень. Мы проводим много времени с Натальей Алексеевной за разговорами.

– Я рад, что ты смогла прижиться здесь. Марта, должен тебя кое о чем просить.

– Все, что угодно.

– Ты теперь являешься матерью ребенка царской династии, тебе следовало бы принять православие.

К этому разговору я была готова. Варвара Михайловна предупреждала меня о том, что мне предстоит сменить вероисповедание. Я не собиралась этому противиться. В конце концов, теперь я живу в России, а здесь очень трудно оставаться лютеранкой.

– Я готова креститься в любой момент, – уверенно заявила я.

– Прекрасно. Тогда завтра же мы тебя и крестим вместе с сыном. Ты не против, если тебя будут звать Екатериной Алексеевной Михайловой? Я хочу назвать тебя в честь своей сестры, Екатерины Алексеевны, она же будет твоей крестной вместе с Алексеем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.